

Валентин Лукин

ПРИБЫЛЬНЫЕ МЕСТА

Валентин Лукин

ГРИБНЫЕ МЕСТА

*Чкаловск
2017*

Рисунки
В.П. Лукина

В.П. Лукин, «Грибные места», 2017 г.
Компьютерный набор – Г.И. Сомов.
Компьютерная вёрстка – В.Е. Виноградов.

Лес

Ещё и дороги не везде просохли, ещё и лист на деревьях не успел распуститься, а мама уж в огороде, всюю уж делает грядки, охлопывает их по бокам заступом, ей уж надо сеять и высаживать разную огородную рассаду. А рядом с нашим огородом стоит высоченный тополь, на тополе этом несметное количество грачиных гнёзд, а следовательно, и самих грачей. Чтобы предохранить всё посеянное и высаженное от их разбойных нападений, а ещё и от кур, а ещё и от палящих лучей майского солнца – ведь только что высаженная рассада нежна и слаба, – мама прикрывает грядки еловым лапником.

Но прежде его надо было привезти, и всякий раз, всякий год надо было за лапником ехать в лес, ездили туда с тачкой, с обычной деревянной двухколесной тачкой.

Вот отец во дворе смажет её оси дёгтем, наденет колёса, верёвку, смотанную восьмёрками, привяжет к копылку, и когда всё готово, можно отправляться. В лес идёт вся мужская половина семьи, к неопишуемой моей радости даже и меня берут. В вояж нашли для меня чьи-то старенькие стоптанные сапожонки, замызганную Витюхину пальтушку и такую же кепчонку. Как самого малого меня сажают на тачку и – поехали!

Шурка впрягся в оглобли тачки и нетерпеливо поспешает вперёд, однако отец не торопится, едва заметно припадая на нездоровую ногу, он идёт размеренно, спокойно, суеты да спешки он не терпит никогда и ни в чём.

Вот уж осталась позади старая, крытая красной черепицей кузница, всё ближе и ближе подвигаются знакомые серые избы Кореева. Изо всей деревни особенно

приметен двухэтажный дом с каменным белённым известью низом, с наличниками выкрашенными в ярко-синий цвет. За этим домом – узкий прогон между двумя огородами, а там, чуть подальше, неглубокий овражек с поросшим осокою дном и даже кое-где с болотинкой, со ржавой водой между кочек.

По краям овражка растёт реденький хилый березняк да кое-где корявая ёлочка. Здесь, у овражка, на прогретых солнцем полянках, на бугорках возле гнилых пней-развалюх особенно духмяной и сладкой вызревает в разгар лета земляника, а из-под подола ёлок с реденького кустика нет-нет да и выглянет синим глазом черничка.

В летнюю ягодную пору мы, ребяташки-мелюзга, у овражка за Кореевом гуляли безбоязненно, тут уж не заплутаешься – деревня видна отовсюду. Отправляясь в Кореевский овраг, мы брали с собой кто эмалированную кружку, кто пол литровую банку с подвязанной вокруг горловины верёвочкой, а кто и маленькую корзиночку. Старательные ребятки ягодка по ягодке, а глядишь, и полную кружку наберут. Кто ягоду в рот да ягоду в посудину кидает – у тех поменьше. Бывают и такие, что про кружку и вовсе забывают, а всё, что ни попадётся, горстями в рот кладут.

А какой радостью займётся сердчишко, если вдруг попадётся притаившийся в траве ядреный красавец-подосиновик в поджаристо-малиновой шляпе! Их у нас называли боровиками, а белый – он так и есть белый. Повезет, так и его найдешь, на солнышке, на открытом месте они загорелыми бывают да на высокой ножке,

совсем не такие как в темном лесу. Ну, что – если к этому еще и пару чельшиков удастся срезать, то вот тебе уже и супчик может получиться.

По солнцу, по тому, как оно начинало припекать голову и руки, и спину, мы чувствовали, что время близится к обеду, а когда со стороны затона доносился далекий гудок, мы отправлялись домой. По дороге, срывая метелки пырея и загадывая друг другу: «Петух или курица?», пиная коричневые шарики «дедушкиного табака», ребятки мало-помалу отбавляли из своих посудин, а те, кто ничего не набрал, еще и попрошайничали, и все-таки оставшихся ягод хватало, чтобы за обедом залить их холодным, из подполья, молоком, размять в кружке деревянной ложкой, а потом прихлебывать из нее, раздавливая ягоду за ягодой языком о небо.

В большой, настоящий лес, что начинался сразу за Кореевским оврагом, нам ходить было строго-настрога заказано, да и самим нам он казался жутким, страшноватым.

И вот сегодня меня взяли, сегодня мы идем в этот лес, вот он совсем уж близко. Высоченные, могучие сосны и ели с головы до ног залитые солнцем встречают нас на входе, и вовсе не хмуро встречают, а наоборот приветливо и ласково, как дорогих гостей.

Дорога нырнула вглубь леса, в прохладный зеленый полумрак. Кое-где меж деревьев светлеют голубые озера больших луж с талою водой, в их безмятежной синеве плывут отраженные белые облака, чуть колышутся опрокинутые отражения рыжих стволов сосен.

Залитые солнечным светом вершины сосен упираются в густую синь неба, на их стволах пляшут веселые солнечные пятна, а в глубине леса сумеречно, сырым холодом несет оттуда.

И все же, как хорошо, как замечательно сегодня в лесу! Со всех сторон слышатся звучные, отчетливые голоса – посвисты, трели, щелканье, гомон разных птиц, прямо целый птичий оркестр!

И как удивителен свет, как чудесен воздух в этом весеннем лесу! Сколько в нём незнакомых, волнующих запахов! Всё тут смешалось - и дух перегретой на солнце хвои, и смолки, слезами стекающей с сосновых стволов, и талой воды, и только что лопнувших почек.

Мы с Витюхой, очистив от кожицы по тонкому берёзовому прутику, поспешили их и положили в огромный муравейник, где уже вовсю юрко сновали, занимались своими хозяйственными делами неутомимые лесные работники. Через минуту-другую вынимаем и

лижем эти палочки, а язык пощипывает что-то кисленькое, терпкое.

Отец с Шуркой тем временем отправились в сторону от дороги, затюкали топориками, а мы принялись таскать и укладывать на тачку густой, пушистый лапник. А лес всё звенел и звенел весёлым весенним перезвоном. Как ребёнок, да и не только ребёнок, а и всякий здоровый человек, пробуждаясь ото сна, чувствует, чует безотчётную радость в теле, слышит, как счастливо звенит в нём каждая жилка, так вот и сейчас в ожившем, отошедшем от зимнего сна лесу всякое дерево и всякий кустик, и даже каждая неприметная травинка поворачивались к свету, будто бы улыбались тёплому солнышку, в каждом лесном существе звенела своя песня, а все вместе они сливались в один безудержно радостный гимн тому, кто всё это придумал, создал и так замечательно устроил на земле.

Уже тогда я не то, чтобы понимал – что я мог понимать с моим малолетним разумом! – но всё равно, каждой клеточкой своего существа я осознавал, что вот это – смотреть в высокое бездонное небо, на блистающие под солнцем деревья, слушать голоса птиц и бормотание ручья, дышать запахами земли и трав, хоть на кратное время слиться с природой всеми своими чувствами – это и будет теперь самой большой для меня радостью на всю оставшуюся жизнь...

Наступило лето, последнее лето в жизни отца. Болезнь все больше и больше донимала его. Ему дали третью группу инвалидности, и он стал сторожить склады

в конторе «Заготзерно». Дежурства были через двое суток, и отец, если болезнь отпускала, иногда отправлялся так уж, просто ради прогулки, в лес. Настроение у него было печальное, он уж предчувствовал, видимо, свой близкий конец, а в лесу надеялся хоть немного развеять грустные мысли. Бывало, что и нас с Витюхой брал он в эти недалекие прогулки. Понемножку я стал узнавать какие бывают грибы и про их повадки, где и как их искать. Отца в лесу будто подменяли, глаза его оживали, он оттаивал там душой.

Вот неторопливо идем мы по старой лесной дороге, а в заросшей мелкою травкой колее нет-нет да и выгянет коричневая головка беленького грибка. В узловатых корнях старых елок под пластом слежавшейся хвои палочкой наковыряет отец сопливых зеленоватых груздей. А сыроежки – те и не таятся, стайками высыпают прямо под ноги.

Дымные золотисто-голубые солнечные лучи наискось пересекают, пронизывают толщу леса от верхушек деревьев до травы, у земли становясь все прозрачней и жиже. Немного притомившись, мы усаживаемся на полянке под высокой тенистой березой, чтобы перекусить. Отец снимает спецовку, расстилает ее на траве, вынимает из корзинки завернутый в чистую тряпицу хлеб, яйца, огурцы. Мы разуваемся, и ногам сразу становится легко и вольготно.

Перекусив, мы с Витюхой ложимся в траву на спину. В небе высоко-высоко плывут большие белые облака, и там, под самыми облаками медленно выписывает круг за кругом какая-то хищная птица – то ли ястреб, то ли

коршун. А под крыльями папоротника - орляка все мельтешат и мельтешат два рыженьких лесных мотылька. Сами собой закрываются глаза, но даже и с закрытыми глазами чувствуется, как рябит и движется по лицу пестрая тень листвы от раскинувшей над нами свои ветви дородной березы.

Отец тем временем вырезает ножичком тонкую прямую рябинку для удилица или срезает вершинку молодой сосенки на мутовку для матери. Хотя удилиц на крыше двора сушилось предостаточно, и мутовок у мамы хватало, отец все равно любит принести из леса какую-нибудь полезную вещь.

Очарованный лесом, всей лесной благодатью, я спрашивал у отца, почему же не живут тут люди, вот я - так бы и жил тут всю жизнь. Отец усмехнулся: «И не страшно, и не испугался бы? В лесу-то ведь и страшно бывает...».

Прошло года три, а может и четыре с того лета, и вот лес дал возможность припомнить эти отцовы слова.

... Который день подряд стоял сухой, удушливый зной. В один из таких дней уже далеко после полудня кто-то из ребят вызнал - тетя Шура Тардова была в лесу, грибов приперла полную корзину, чуть ли не под ручку, и одни белые.

- Слой пошел.
- Когда слой – их хоть косой коси.
- Давай завтра с утречка пораньше сходим.
- Чего завтра, можно еще и сегодня, если не далеко-

то.

- Так уж скоро вечер.
- Ну и что, что вечер. Мы по краешку...

Через полчаса человек пять ребят с корзинками спешили вдоль улицы к прогону, несмотря на то, что день уже действительно близился к вечеру.

— Вы что, в ночное, что ли собрались? – кричали нам вслед то один, то другой из взрослых.

Ребята все были Витюхинами сверстниками, намного постарше меня, они и не хотели меня брать, но я, как всегда, увязался-таки за Витюхой.

Шли споро, и до леса дошли быстро. В лесу я старался не упускать Витюху из виду, перекликаясь и пересвистываясь с ним. Но вот ребята, гонимые охотничьим азартом, как-то слишком уж быстро пошли и пошли вперед, вот уж и из виду все пропали, а вслед за ними и Витюха.

Я потрусил было за ними, но, как на грех, прямо под ноги выскочил крепыш-боровик. Пока его срезал, разглядел еще одного да в самом-то чапыжнике, попробуй до него доберись. После этого на мой крик отозвались так далеко, что я уже не мог определить откуда доносится голос. Неприятно тягуче заныло в животе – все, отстал...

Я кричал изо всех сил, но теперь и вовсе никто уже не откликался. И стало страшно. Ничего успокаивал я сам себя, ведь далеко ни я, ни они не успели еще уйти. Грибы

же один другого лучше, крепкие закоренки белые все попадались и попадались. Страх и тревога внутри нарастали с каждой минутой, овладевали каждой клеточкой тела, но не оставлять же их, думал я, в лесу таких красавцев, если они только что сами в корзинку не прыгают.

Между тем шел я уже довольно долго, и лес чем дальше, тем становился все гуще. И наконец, я понял, что иду куда-то не туда, что заплутал окончательно. Проклиная и Витюху, и мальчишек за то, что убежали и оставили меня, я заметался из одной стороны в другую, а лес немотно и жутко все плотней и плотней обступал меня со всех сторон.

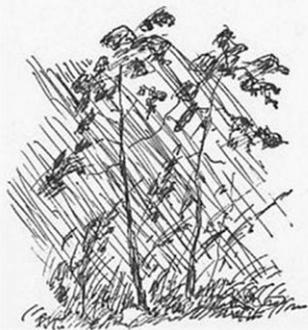
Когда же я вспомнил, как отец когда-то говорил – если заплутаешь, иди на солнышко, как раз к дому и выйдешь – и взглянул вверх, было уже поздно, солнечный свет заслоняла огромная зловеще лиловая туча с желтовато-седыми лохматыми краями. Надвигалась она с чудовищной быстротой, и вскоре в лесу сделалось совсем темно и жутко.

Растревоженные поднявшимся ветром сосны тёрлись друг о друга сучьями, издавая при этом страшный треск и скрип. Ели качались, как пьяные, всполошенно размахивали косматыми чёрными лапами. Отчаянно,

ошалело полоскал ветер встрёпанные вершины берёз, и там, вверху, листва их отливала сизой сталью.

И снова – сам тому уже не рад – разглядел я во мху под прикрытием разросшегося большого куста можжевельника крупный белый гриб с чёрной, бугристой, будто бы из чугуна отлитой и кое-где уже изъеденной улитками шляпкой. На коленях пополз, чтобы вызволить гриб из-под укрытия, и – совсем уж обомлел от страха! Из куста, из чапыги злобно глядел на меня круглый янтарно-жёлтый глаз. И тут же в можжевельнике затрещало, громко захлопало, огромная птица, продолжая хлопать крыльями, низом полетела меж стволов. И только тогда я догадался, что это тетерка, а может, и другая какая-то крупная птица затаилась, спряталась в плотных густых зарослях можжевельника от надвигавшегося дождя, а я, сам того не желая, её потревожил.

И вот он хлынул, хлынул сразу, без подготовки и предисловия, сплошной мутно-серой стеной. Самый настоящий ливень. За его завесой, да ещё и в наступившей темени, и за три шага ничего невозможно было разглядеть, и только время от времени мрак неба вспарывала белая трещина молнии. Затем раздавался сухой треск, будто кто простыню рвал пополам, и тут же многократно оглушительно ухало, совсем рядом, так, что даже вздрагивала под ногами земля, и долго ещё потом гроыхало, перекатывалось и отдавалось по лесу, долго ворчал то ли сам гром, то ли уже его эхо.

Вот тут мне стало страшно так страшно. Маленький, ничтожный, совершенно беспомощный, я дрожал мелкой дрожью, стоя под покровом большой лохматой ёлки, холодные капли ледяными струйками стекали с её ветвей и за шиворот, и на лицо, и на руки. Острой занозой сидело в груди тоскливое, ноющее чувство животного страха. Дождь лил и лил, и что, если он будет идти вот так, не переставая, до ночи? Ужас охватывал меня от этой мысли.

Но вот туча все же свалила, дождь понемногу стал

стихать и, наконец, перестал вовсе. Не представляя куда, в какую сторону теперь идти, я метался по лесу, а мокрые ветки больно хлестали по лицу, по глазам. Вскоре я вымок до последней нитки и выбился из сил. Но не стоять же на одном месте, и вот я побрёл, наугад выбрав направление, в надежде хоть куда-нибудь, да выйти.

И вот стволы стали редеть, вот появились между ними просветы. И сразу как-то немного отлегло, полегчало на душе. Вскоре я выбрался на совершенно незнакомую дорогу, бледною лентой светившуюся в вечерних сумерках. Увидев лимонные просветы в сизом небе над зубчатой каймой леса, я понял, что теперь сумеречно стало не только от туч, а ещё и оттого, что время позднее.

Дорога – это хорошо, это гораздо лучше, чем в безнадежности метаться по лесу, но куда, в какую сторону идти по ней? Вдруг, совсем неожиданно, будто из-под земли выросла, на дороге появилась сгорбленная старуха с длинной палкой в руке, с какою-то поклажей за спиной. И опять – в который уже раз за сегодняшний день! – мурашки страха побежали меж лопаток. Про таких вот скрюченных старушек как раз и рассказывала жуткие байки тётя Шура Тардова.

«Не маленький уж сказкам-то верить!» - стыдил я себя. Когда старушка подошла близко, оказалось, что это обыкновенная деревенская бабка, только старенькая, и осмелев, я спросил её про дорогу, куда мне идти.

— А так вот и иди, милой, так и иди.

Успокоившись, теперь я пошёл уж бодро, и через какое-то время лес отодвинулся в сторону, и за полем завиднелись тёмные крыши знакомого Кореева. Сами собой откуда-то взялись силы, и, обрадованный, я бегом почти побежал по дороге, перепрыгивая тусклым оловом мерцавшие лужи.

О, какой же дорогой и милой сердцу показалась мне наша улица! Как приветливо, как ласково светилась она жёлтыми окнами изб!

Дома на печке хлюпал носом, уже получивший взбучку Витюха. Ремень был приготовлен и для меня, но и без порки вид у меня, должно быть, был таким плачевным, что ремень отложили до следующего раза, да и принесённые мной красавцы белые произвели впечатление.

Ангел-хранитель вывел меня тогда из лесной чащи. И впоследствии не раз помогал он в сложных ситуациях выйти на путь праведный.

Речка детства

В прежние времена у состоятельных людей воспитанием детей занимались гувернёры и гувернантки, бонны, в крайнем случае – няньки. Для многих и многих поколений ребят из Подлужья, бакловской, липовской шантрапы доброй, ласковой, но, когда надо, и строгой воспитательницей и нянькой была речка Санахта.

На речке ребятня уже в возрасте 5 – 6 лет проводила все дни напролёт, начиная с половодья и до той поры, когда её, замёрзшую, укрывало плотным снежным одеялом.

Санахта давала первые уроки мужества, первые уроки жизни. Она являлась как бы школой первой ступени, исподволь подготавливала к жизни на Волге, на реке большой и серьёзной, с которой шутки были уже

плохи. Там течение быстрое, там воронки, там среди ясного дня, откуда ни возьмись, поднимается, бывало, такой вихрь, такая волна, что и лодку вверх дном.

Мы, жившие у речки ребята, учились здесь плавать в 6-7 лет, сначала «по-собачьи», затем и «сажёнками». И это было так же естественно, как годовалому ребёнку научиться ходить.

Научившийся плавать, усвоивший этот первый урок речки, испытывал и внутреннюю радость, и гордость. Весной, в ледоход, уже не так страшно было, вооружившись шестом или доской, взобраться на проползавшую мимо берега льдину и отправиться на ней в плаванье. Ну, маленько боязно, страшновато, конечно. Льдину, бывало, что и опрокинет другая, более мощная, наскочившая сзади. В ледяной воде приходилось выбираться на берег. И это тоже был урок. За такой урок дома, правда, изрядно попадало.

Не успеет пройти лёд – отправлялись кататься на лодке. Лодка была далеко не в каждой семье, и когда старшие отправлялись покататься и порыбачить, немало труда стоило выпросить, чтобы взяли и тебя, и уж тем более, чтобы позволили сесть за вёсла. И всё-таки, не смотря на это, мы как-то постепенно выучивались и грести, и, сидя на корме, править правильным веслом.

В половодье Санахта разливалась очень широко. За Подлужьем через речку был перекинут мост для сообщения с Беседами, Мишневым, Nateкиным и другими деревнями, находящимися по ту сторону Санахты. Мост был очень высок, его сваи были высотой метра два с половиной. И хотя в летнее время глубина речки под мостом была не более полуметра, в половодье уровень воды поднимался так, что иной раз затопляло и сам настил моста.

Сосны на подошве Покровской горы оказывались затопленными чуть ли не на четверть, и в эту пору жители посёлка – не только мальчишки, но и взрослые – с наступлением вечера любили покататься меж этих полузатопленных сосен на лодках. Сиреневые сумерки, тишина. В воде всё отражается, как в старом тусклом

зеркале. Что-то колдовское витало в этот час над подёрнутой сизой дымкой рекой.

Купаться в речке начинали обычно с майских праздников. Ещё кое-где в тени, под кустами, лежали остатки серых льдин, а солнце уже припекало, и речка звала, манила, ведь не купались целую зиму. Мы шли гурьбой к речке, и кто-то из самых отчаянных снимал штаны и сигал в обжигающую огнём воду, хотя бы только окунуться, и сразу же, как ошпаренный, пробкой вылетал на берег. Один попробовал – надо второму, третьему. Но это были уже второй, третий. Первый же был – герой.

Летом, в палящий зной, всей уличной ватагой отправлялись купаться на запруду, к останкам Ионовской мельницы. Там, у омутка, был довольно высокий обрыв, с него ныряли в воду, кто как умел. Мелюзга, одной рукой зажав нос, другой «кукушку», прыгали «солдатиком», ребята постарше сигали с обрыва с разбегу вниз головой.

В первый раз даже и «солдатиком» прыгнуть было страшновато. И всё-таки наступал тот день и момент, когда семи-восьмилетний пацанчик набирался духу и, зажмурив глаза, прыгал с этого обрыва. И это была очередная победа над самим собой. Это был поступок, после которого те сверстники, что ещё не решались прыгать, глядели на тебя с уважением.

Купались в речке до посинения, и когда уже зуб на зуб не попадал, падали плашмя на белый, горячий песок. Радужные круги – жёлтые, оранжевые, красные – плыли в закрытых глазах. Десять, пятнадцать минут – и тепло вновь возвращалось в тело. И снова в речку.

Купались всё лето напролёт, и всё лето напролёт рыбачили. Весной, когда полая вода начинала понемногу спадать, ловить рыбу отправлялись на Покровскую гору.

На подошве горы в сосновой роще и около неё было много довольно больших и глубоких ям, неизвестно откуда здесь взявшихся. Может, это были остатки от каких-то старых строений или от когда-то раскопанных могил. Вода постепенно сходила, но в этих ямах она оставалась, в них оставалась и рыба.

Когда воды было много, по ямам лазили с двурушной корзиной. Вода была ещё холодна, но – что делать? – приходилось снимать штаны. Один из рыбачков, бродя по яме, «ботал», то есть шерудил в траве ногами, другой держал рядом корзину. И вот, нет-нет да и попадётся в корзину то карасик, то линёк, а то и щурёнок. Спустя какое-то время воды в ямах становилось совсем мало, рыба была на виду, и не составляло большого труда поймать её прямо руками.

Линьки, карасики, запечённые матерью в сметане да в русской печке, да в глиняной плошке, бывали весьма вкусны. Вообще, ребята, живя у речки, рыболовами становились очень рано. В середине лета воды в Санахте даже в самых глубоких местах бывало не больше, чем по шейку, а так – по колени и чуть выше. И вот ребята семи, десяти лет, прихватив двурушную корзину, отправлялись на речку. Способ ловли корзиной был весьма простым, а потому и самым распространённым.

... День, как почти и всегда в это долгое-преддлгое, тёплое-претёплое лето, начинался с лучезарного,

ослепительно-белого утра с весёлым солнцем, с хрустально-чистым воздухом, с оглушительной тишиной, разлитой не только по нашей улице, но и по всему белому свету.

И, как всегда в такой ранний час, сижу я с книжкой на своём чистеньком крылечке, по спине нет-нет да пробегают мурашки озноба, в лицо, руки мягко и ласково пригревает золотистое солнышко. Забыв про книжку, наслаждаюсь всё прибывающим и прибывающим понемногу теплом, по телу, по

всем его закоулочкам разливается тихая радость предвосхищения ещё одного огромного и праздничного, как и весь этот окружающий мир, дня.

В сладком полузабытье я и не заметил, как возле бабки Дуниной избушки возник Шурка Ратманов.

— Э, книгочей! Рыбачить пойдёшь?

— Корзиной?

— Ну. Чем же ещё... Так идёшь?

— Само собой!...

Через каких-нибудь десять минут мы, четверо пацанчиков, Ратмановы Шурка с Мишкой, Санька Бакловский и я, спешим, забегая вперёд, перегоняя друг-друга, торопливо семеним по узенькой тропинке, что петляет по краю овражка. А в овражке чуть заметный в щетинистом кочкарнике да осоке едва слышно булькает ручеёк, он, как увязался за нами у Баклова, так и будет бежать рядышком вплоть до самой Санахты.

Шурка Ратманов с двуручной корзиной за спиной похож на черепаху под панцирем, но не в пример черепахе

шагает быстро и споро, он нет-нет да осаживает нас, в суетливом нетерпении забегающих вперёд его по тропе.

Шуркина голова упирается в верхний внутренний край корзинки, а руки поддерживают её сзади за бока.

Мишка, Санька и я – ровесники, а Шурка постарше каждого из нас на три года. Он сегодня за главного, и мы должны слушаться его. На коллективной рыбалке по-другому нельзя, иначе будет не рыбалка, а разброд да споры.

Тропка по лугу выбегает к широкой наезженной дороге, обставленной сбоку столбами электролинии. Дорога эта напрямик идёт на мост, что пологою дугой выгнулся над речкой Санахтой.

Вот мы и пришли к речке. Ручеёк – он так и бежал рядом с нами – тем временем тоже достиг цели, раздвинув заросли высокой зелёной осоки и ещё каких-то рыжих и коричневых трав, разлился пошире, образовав бочажину, и наконец, приник к лону пусть и небольшой, но всё же уже речки, у которой есть название, и она вот тут недалеко, рядом впадает в реку большую, в великую реку, имя которой Волга.

С того места, с бочажины при впадении ручья в речку, и начинается обычно наша рыбалка. Ручей своим течением приносит то жучка-червячка, то букашку-козявку, и рыбёшка любит тут попасть. Конечно, не всякий раз она только и делает, что ждёт, когда мы придём с корзинкой, чтобы её поймать. Но всё же местечко тут хорошее, и не проверить его грешно.

Шурка с корзинкой осторожно заходит в устье бочажины, ставит корзину на дно, а мы втроём, раздвигая осоку, заходим в воду и начинаем шурудить, ботанить в осоке ногами – один по правой, другой по левой стороне и один по середине заводи. При этом способе ловли важно вовремя вынуть корзину из воды- поторопишься, станешь вынимать раньше, чем нужно, рыбка вильнёт в сторону, и поминай, как звали, промешкаешь, опоздаешь на секунду – ну что, она не дура, чтобы дожидаться в корзине пока ты выспишься. Вот поэтому на этой «операции» стоит у нас Шурка, он постарше, половчее.

Когда мы, протопав осоку, подошли к Шурке уже довольно близко, он до этого напряжённо вглядывался в глубину и вдруг резко вынул корзину из воды. В ней трепыхалась, упруго сгибая и разгибая серебристое тело, хорошая крупная рыбина.

— Подъязик! – обрадованно, каким-то свистящим шёпотом оповестил нас Шурка.

— О! А-а-а!

— Тихо вы! Айда к мосту.

Речка бежит, торопится, в жгуты завивает упругие струи, солнышко, отражаясь в мелкой ряби, яркими вспышками слепит глаза. А под мостом сумеречно, лишь кое-где в щели настила проникает свет и длинными золотистыми мечами пронзает речку аж до самого дна. Деревянные сваи моста высоки, больше двух метров, и хотя сейчас речка мелкая, весной в половодье вода в ней поднимается так высоко, что порою даже захлёстывает настил моста.

Под мостом гулко раздаётся всякий звук, поэтому Шурка опять строго приструнивает нас:

— Тихо вы!

Разбиваясь о сваи моста, вода вспенивается перед ними в небольшие белые барашки, а миновав их

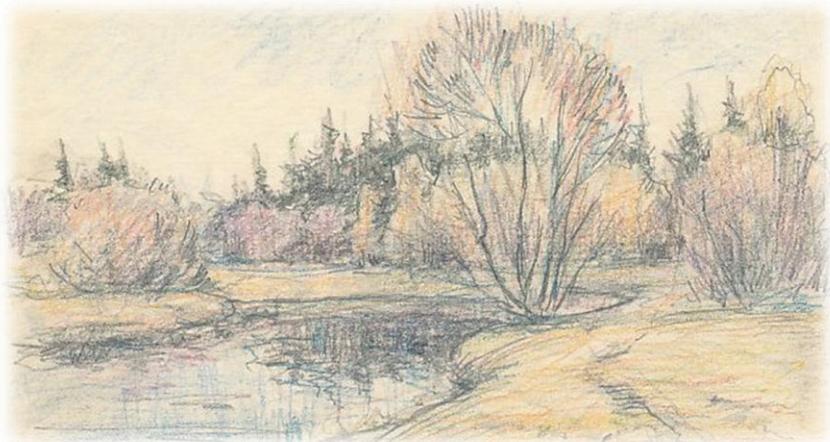
завивается, заплетается в косы. Вот здесь любят порезвиться, поиграть окуньки, а то и щучка. Шурка с корзиной встаёт чуть выше свай, а мы по очереди ботаем вокруг них, ботаем и у берега. Но нет – на сей раз не повезло.

— Не всё по семи, сядь да посери!... – угрюмо бурчит Шурка. И мы идём дальше вверх по течению речки. Штанишонки у нас закатаны выше колен.

К месту, где по нашему разумению может пойматься рыба, подходим с большой осторожностью, стараясь не шуметь, не баламутить воду, а чтобы меньше было шума, нога в воду заходит с оттянутым носком. Вода в речке чистая, прозрачная, и сквозь неё отчётливо видно всё дно. Где-то оно песчаное, и песочек сморщило течением в мелкие волночки, как на стиральной доске, где-то песочек покрыт мелкою галькой, а то и скользкими голышами, ступать по которым не очень-то способно, больно ногам. Кое-где, ближе к берегу, дно усыпано зеленоватыми ракушками, их пустые створки валяются на прибрежном сером песке. Должно быть, какая-то птица лакомилась содержимым ракушек. Внутренняя часть створок отливает нежно-сиреневым и розовым перламутром, и это всегда радует глаз.

Кое-где на речном дне лежат и большие туполобые камни-валуны, покрытые сопливой слизью, поросшие зелёными бородами водорослями, течением эти бороды мотает из стороны в сторону. И мы проверяем каждый такой камень, если только посильно отвернуть, сдвинуть его с места. Да даже если и непосильно, всё равно – Шурка ставит корзину возле камня, а мы ботаем, отаптываем его со всех сторон. И тут из-под камня выскакивает сладко спавший там пескарь и попадает прямёхонько в корзину.

Вот по пути следования встретился наклонившийся к воде куст ольхи. Под кустом – тенёк, осочка. Пошерудили ногами в осочке, глянь – остромордый щурёнок опростоволосился, попался в корзину.

Как бы мельком, как бы вскользь, но глаз замечает и изъеденные жучками резные листья ольхового куста, и самих тёмно-синих, блестящих на солнце, жучков, и висящих неподвижно над осокою златокрылых большеглазых стрекоз. И всё же растительности по берегам речки маловато – где-где сиротливо стоят у воды куст ивняка да худосочные ольховые куртинки. Старики, старожилы нашей улицы, говорили, что речка раньше была совсем не такой, как сейчас. Была она полноводной, чуть не у каждой деревни стояли мельницы, плотины создавали подпор воды. Да и берега были сплошь зелёными от кудрявых зарослей ивняка. Однако перед войной ещё мельницы захирели, а ивняк потравили, погрызли козы, их многие стали заводить вместо коров, потому что коров держать стало трудно. Без растительности берега речки стало подмывать быстрой

водой, особенно в половодье. Осыпавшимся грунтом замывало дно, и стала речка совсем мелкой.

Однако нам она нравится и такой, какая есть, ведь другой-то мы и не видавали...

Ноя отвлёкся немного. Итак, в разгар благодатного летнего дня мы идём по речке от куста к кусту, от одного лобастого камня к другому. По золотому дну речки перебегают, играют солнечные зайчики. И всё прибывают да прибывают рыбёшки в жестяном ведёрке. Если встанешь на минутку, чтобы чуток передохнуть, то вода начинает журчать вокруг ног, и тугие струи начинают щекотать икры, и кажется, что скользкие налимы так и выются под водой вокруг ног. Бывает, конечно, что какой-нибудь шальной пескаришка и вправду ткнётся носом по нечаянности в ногу, но тут же с молниеносной быстротой метнётся в сторону, в ту же секунду исчезнет из виду.

Сверху солнышко нещадно палит нам макушки голов, а ноги сводит от холода. Вода в речке, хоть и лето в самом разгаре, если долго в ней находиться, всё-таки кажется студёной, а потом и вовсе ледяной. И вот мы выходим на бережок, на горячий песочек, собираем кто что найдёт – свёрнутый в трубочку кусок бересты, сухую коряжку, палку, остатки старой крылёны – всё это ещё по весне осталось на берегу после паводка.

Этот горючий материал, а по нашему – дровишки, мы складываем в кучку и разводим костерок.

Костерок разводим не для сугревки – ноги давно уж отошли от ходьбы по горятнющему песку, - а так, для забавы. Ведь посидеть у костерка, посмотреть, как пляшет резвый огонь – всегда хорошо и приятно, костерок согревает не только тело, а и душу.

Костерок занимается быстро, «дровишки» отменно высохли на солнцепёке, и чтобы они не прогорели слишком быстро, подкладываем в огонь ещё и сырых веток ольшаника. Шурка Ратманов вынул из жестяного ведёрка, где всё ещё трепыхалась пойманная нами рыба, маленького пескаришку, насадил на ивовый прут и стал поджаривать его на огне. Пескарёк тут же почернел, выпучил белые глаза. Шурка и нам разрешил пожарить по пескарику. Пескарик и так-то не больно велик, а если от него, обжаренного, оторвать голову да хвост, да плавники, да отколупать шкуру, да вытащить кишки, от него почти что уж ничего и не остаётся. Несолёное и как следует не пропечённое пескарино мясо не шибко и вкусно, однако мы все до одного причмокиваем, как будто бы это и в самом деле какое-то необыкновенное лакомство.

Но вот настала пора делить улов. Малявок разделить не составляет труда. Пескари, ерши, лежаки, вьюны – все они примерно одинаковой величины, чуть больше пальца. Но в каждую кучку Шурка кладёт и по хорошей рыбине. В одной из них оказывается щурёнок, в другой – пойманный в самом начале подъязык, в третьей два хороших, увесистых окуня, ну и в последней крупная краснопёрка. Разложив рыбу по кучкам, Шурка спрашивает нас:

— Честно?

И мы хором отвечаем:

— Честно!

Теперь Шурка заставляет меня отвернуться, чтобы мне не было видно кучек, а сам, указывая на одну из них, спрашивает:

— Кому?

И я по очереди называю – Саньке, Миньке, тебе, оставшаяся достаётся мне.

— Все довольны?

— Все довольны!

Теперь каждый из рыбачков нанизывает свою рыбу на кукан, срезанный ножичком длинный ивовый прут. На конце прута один сучок срезан не полностью, оставлено немного, иначе рыба на пруте и держаться не будет.

Вот теперь можно и домой.

Усталые и довольные, теперь уж мы идём не спеша, вспоминая наиболее удачные моменты рыбалки и напрочь забыв неудачные, из-за которых всего каких-нибудь час-два назад дело доходило чуть ли не до драки.

Ребята постарше рыбачили и на удочку, и небольшим бредешком. Известно, что в удочке главное дело – хороший крючок. Такие крючки-заглотыши можно было получить у старьевщика в Подлужье за принесённые ему железяки и медяхи. У заядлого рыбачка за околыш кепки над козырьком всегда было зацеплено два-три запасных крючка.

На удочку ловили после половодья, пока воды в речке было много. Когда вода спадала, ходили удить к останкам старой мельницы, к омутку. Летом же ходили удить к Ионову, к Горянской мельнице.

Совсем взрослые ребята после половодья ловили рыбу и бреднем. Тут улов бывал уже и серьёзным. Кроме окуней, язей и краснопёрок в бредень попадались и щука, и налим. Налимов ловили и руками, занырявая в глубину и нащупывая их в корягах остатков плотины Ионовской мельницы.

Если по Большой дороге пройти по направлению к Ионову, то с левой стороны тянулись один за другим длинные серые склады льнопункта, а чуть подальше, с правой стороны, на возвышении располагалось кладбище.

За складами льнопункта слева от Большой дороги в зелёных лугах вилась синюю лентой речка Санахта. Напротив кладбища берег её был обрывист, глинистый грунт обнажён, а сама глина слежалась почти до твёрдости камня. Эту глину мы называли опокой. Из неё ножичком можно было вырезать какую-нибудь фигурку, лошадку, например. Правда, поставленная потом подсушиться на чело печки, лошадка рассыпалась на мелкие крошки.

Вот здесь-то, под обрывистым берегом, водились в речке раки. Они делали свои жилища-убежища в опоке на глубине около дна. И ловить их надо было, шаря рукой около нор, а то и залезая прямо в норы. Рассерженный хозяин не переносил такого бесцеремонного вторжения, стремительно выскакивал и хватал непрошенного гостя за палец. Конечно же, бывало больно.

Вот так, день за днём, проходило на речке длинное-предлинное, тёплое-претёплое лето.

В конце ноября, в начале декабря речку сковывал мороз, и мы, обув на полуразвалившиеся валенки коньки-снегурки, отправлялись кататься по молодому тонкому льду. Лёд был прозрачным, как стекло, через него хорошо было видно и космы травы-осоки, и каждый камушек. В нём, как в зеркале, отражалось небо с сизыми облаками, и деревья, и кусты. Если по реке где-то вдаль шёл человек, то казалось, что он, подобно Иисусу Христу, чудодейственным образом идёт прямо по воде.

Лёд зыбал, прогибался под ногами, тонко звенел от брошенной палки или камня. Но держал. Было страшновато немножко, но и весело в то же время. И это были прощальные забавы на речке. Вскоре её надолго заносило плотным слоем снега.

Сорок пять лет прошло с той поры. За это время разные «хозяйственные» люди так изуродовали Санахту, что если пройти по её берегу от устья, от технической школы, то не встретишь отрадного для глаза места вплоть до Ступинского моста.

И вот, чтобы свидеться с Санахтой, с речкой детства, приходится уезжать за Сицкое и дальше, куда не дотянулась ещё пока рука «хозяйственников» и садоводов. Там есть ещё места, где её с обеих сторон обступают зарасли ольхи, смыкаясь над ней своими кронами. Выбежав из этого коридора,

ластится речка к песчаному бережку, петляя по лугу, испещрённому цветами июньского разнотравья.

Искупаться там, конечно, нельзя. Воды и по колено нет. Но можно разуться, снять штаны и, как в детстве, побродить по песчаному дну, потом посидеть на белом горячем песочке. Пройдёт минута, другая – и речка, будто старая нянька, станет тихо и ласково нашёптывать байки о былом, о навсегда ушедшем.

Грибные места

О приятном и вспоминать приятно – любил, любил я в своё время побродить по окрестным лесам – перелескам. На этюды частенько доводилось добираться лесными тропками – дорожками. Ну, а если подвалит грибная пора, тут уж все этюды побоку, до этюдов ли, когда гриб из земли недуром прёт!

С детских лет жила во мне эта сильная, азартная страсть – собирать грибы. Эта страсть на какое-то время захватывала всё естество, все помыслы, всю душу без остатка...

Вот вспоминаю, как совсем ещё маленьким пацанчиком, лет десять тогда, наверное, было, не больше, попал я на «злачное» местечко в лесу за Киселёвом. Там на дальнем краю леса на южной солнечной стороне, чтобы лучше принялись да быстрее пошли в рост, высадили рядками саженцы сосенок. Через год-другой робкие, хиленькие сосенки густо распушились, заметно подросли и чувствовали себя превосходно.

Киселёвский лес уже и в те годы не очень-то баловали вниманием взрослые заядлые грибники – не шибко велик да и пустоват. Ну, а мне, малолетку, и здесь уж больно любо было побродить по тёплому южному краю, наковырять с пяток беленьких, десятков-другой красновичков да чельшиков и за крепенькой сыроежкой и за выводком лисичек не побрезгуешь наклониться. А самое главное – ходишь без всякой боязни заплутать даже в пасмурную погоду. Весь лесок – хоть вдоль, хоть поперёк – километра два-три от края до края. С северной стороны – дорога-большак.

Мудрено тут заплутаться. И вот в один прекрасный день вышел я на край леса, где ровными рядками пушистые и зелёные, окрепшие и подросшие стояли вот эти самые сосенки. Все в одинаковых платьях, все одного почти что роста, и меня уж переросли на целую голову.

Пошёл я по междурядью, вроде бы ничего особенного и не ожидая, а потом пригляделся – эх, вот это ничего себе! Маленькие маслятки в коричневых беретиках разбрелись по мягкой лесной травке, будто ребятишки из детсада. А меж ними стоят и те, что побольше, повыше, они уже в широкополых, но тоже коричневых, шляпах – это будто бы воспитательницы

крепышей-малышей, приглядывают за ними, чтобы не разбежались слишком далеко.

Долго не раздумывая, стал срезать я этих шустрых сопливых ребятишек вместе с воспитательницами да в корзинку. Корзинка у меня небольшая, средненькая. Каких-нибудь полчаса – ну, может, и побольше чуток, – и вот уж она полна.

По пути домой для маскировки сверху накидал в корзинку лиловеньких попутков да сыроежек-растрепёх. В улице ребята, что постарше, заглянут в корзинку: «Ну, чего нагайбал?» Увидят в труху рассыпавшиеся сыроежки, сплунут с презрением: «Вот так уж грибки – любо-дорого насрать! А мне только этого и надо, а то начнут выпытывать – где да как...

Пришёл сентябрь. Начался учебный год. Нашему классу досталось учиться во вторую смену. А дни в начале сентября стояли – теплынь, как летом!...

Вот после школы приду, быстренько вечером сделаю задание на дом, а с утрачка пораньше опять в соснячок. Днём-то он хорошо прогревался, и вновь по междурядьям торчат соплячки в коричневых шапочках. Правда, по ночам уж и заморозки в это время бывали, прихватит их морозцем. Но ничего, пока домой идёшь, они вот уж и отойдут. Дома мама почистит их да на сковородку – вот тебе и жарёшка!...

В детстве уличные ребята по грибы чаще всего ходили гурьбой, человек пять, шесть соберётся компания. И я, конечно, хаживал с ними. Только не нравились мне такие вот шумные «культпоходы». Ребята ещё по дороге в лес всё чего-то спорят, друг перед другом выхваляются, матершинничают вдосталь, пока матери не слышат.

В лесу орут во всю глотку, а кто так по птичкам из рогатки начнёт стрелять. Поозорничать им хотелось

вволюшку, вот что. А грибы- так, попался – так уж ладно, в корзинку его, а нет – то и не больно жалко...

Нет, не по нраву всё это было мне. И, как только стал чуть повзрослей, стал я от этой компанейщины отодвигаться понемногу. Тем более, что уже с отроческих лет моих уличных приятелей всё больше и больше привлекали другие занятия, которые мне представлялись совсем неинтересными.

Бывало и так, что по грибы отправлялись мы вдвоём с братом. С одной стороны оно вроде бы и повеселее, и всё же – самое милое дело побродить по лесу одному. Тут уж сам ты себе хозяин, ни ждать, ни догонять никого не надо. А ведь известно, что ждать да догонять – хуже нет. Нервничаешь только да злишься.

В лесу злиться вовсе ни к чему. В таком состоянии чего ты увидишь? Да ничего...

Нет, что ни говори, а одному бродить в лесу гораздо способней. Вот идёшь, и внимание твоё сосредоточено вроде бы только на грибах. Но нет – много всякой всячины замечает твой глаз и отмечает ум, если идёшь не торопясь, и никто и ничто тебя не отвлекает. Разглядишь гнёздышко птички-невелички так хорошо, надёжно спрятанное в глубине непролазного елового чапыжника, и удивись тому, как искусно, крепко и плотно свито оно из упругих стебельков трав, из самых тонких еловых веточек, а на дне гнёздышка – перинка, два-три пушистых пёрышка. И саму быстроглазую птичку, опасно цокающую невдалеке, разглядишь, и нарядом оперенья её заглядишься.

Сорвёшь кустик рубиново-алой костяники, ягоды на просвет огнём горят, а зёрнышки у них твёрдые, гранёные. Кисленькая ягода – лесной гранат!

Ого, какой муравейник огромный! И вся поверхность его шевелится, дышит! Живая! Жизнь, живая жизнь неустанно идёт и снаружи, и внутри этого вигвама. Правда, трудно постичь нам эту жизнь. Учёные люди пытаются кое-какие загадки их поведения разгадать, но чтобы всё досконально – э! кишка тонка!...

А вон там на лужайке в тени от рослой ели сгрудились в кучку лиловые столбики милых лесных

цветочков. На продолговатых листьях тёмные круглые пятнышки. Эти пятнышки от горьких кукушкиных слёз, так и называли цветочки – «кукушкины слёзы».

И вдруг – так и ёкнет в груди от неожиданности. Под нависшей над самой землёю тяжёлой еловой лапицей стоит себе приосанился такой ли бравый крепыш-закоренок, будто бы побороться с кем собрался. Ну, прямо не гриб, а Илья Муромец! И шляпа будто шелом кованный.

«Привет, приятель! А ты знаешь – вот тебя-то как раз я и разыскивал! Извини уж, дружище!» Скрипнет, крикнет крепыш под ножиком с явным неудовольствием, а что поделаешь? Да так и уляжется на бочок в корзинку рядом с другими, кому выпала эта же участь.

Да, а если бы летел, сломя голову, озабоченный мыслью, как бы не отстать от компании, наверняка не

заметил бы этого богатыря, и достался бы он кому-то другому.

Вот так мало-помалу и стал я приверженцем единоличной грибной охоты.

В годы, когда учился в школе, за грибами никуда далеко-то и не ходили, и уж тем более не ездили. Ведь в то время не то, что автомобиль или мотоцикл, а и велосипед-то был далеко не в каждой семье. А если даже и был, никому и в голову такая блажь не приходила, чтобы на велосипеде за грибами поехать. Хоть в Жуковском лесу, хоть за Кореевом, без особого напряжения, ещё до обеда нашвыряешь в корзинку всякой всячины.

Напротив Жукова, через поле, находился птичник. Стоял он на опушке, но как бы уже внутри леса, окружённый берёзками, осинником. Так вот за этим птичником уж больно хорош был лесок. Светлый – тут и берёзка и ёлочка, и осинка. А между ними полянки зелёные, солнечные.

«На солнечной поляночке, дугою выгнув бровь...». Нет, гармонистов на поляночках никогда ни разу не видывал. А неплохо бы и гармониста туда, чтобы берёзы да ёлки веселей в хороводах кружились.

Гармонистов на полянках не видал, а вот грибочки красноголовики – это да, любили они там меж ёлок да берёз поиграть в прятки. И чельшик из травки нет-нет да замшевую шляпку высунет – похвастаться, видишь ли,

захотелось, и беленький, когда слой подойдёт, катышом тебе прямо под ноги выкатится. Любил я этот лесок. Да и не я один любил...

А можно опушкой Жуковского леса до Коробихи пройти, тут уж дело верное – наколупаешь и белых, и боровичков и чельшиков.

В общем пятьдесят лет тому назад никаких особенных мест и знать не надо было, не поленись только, встань пораньше да в лесу под ноги гляди, а не ворон считай.

Сейчас ситуация в корне изменилась. Когда начался садоводческий бум, лесок Жуковский стали кромсать, выкорчёвывать под сады. Садоводы постепенно, год за годом принялись загаживать лес всяческими отходами – тут свалка, там свалка. На всякие хозяйственные нужды стали вырубать в округе ёлки – кому жёрдочки потребовались, кому колышки помидору подвязывать.

Такое хамское отношение – кому же оно понравится. И захирел лесок, много в нём появилось больных деревьев, и даже на незначительном расстоянии от сада ели стали высыхать, умирать на корню. Какие уж тут грибы!... Там, где красноголовики когда-то дружно лезли из земли, и поганки-то ни одной не увидишь.

И вот теперь, если у грибника, возвратившегося где-то около полудня из леса, ну, конечно же, на машине, и, конечно же, с полной, чуть ли не под рукоятку, корзиной грибов, поинтересуется кто-то из соседей, сидящих во дворе на лавочке: «Это где это ты эдаких-то нагайбал?», довольный сам собою современный грибник снизойдёт, одарит ответом: «Места надо знать!»

Да, конечно, теперь, чтобы не вернуться домой с корзиной, где грибами чуть донышко покрыто, надо знать места. И эти места по большей части находятся довольно далеко. Однако грибы – они такие ли ушлые, такие ли

смышлёные парнишонки, и порою так умело, так хитро спрячутся, выберут такие местечки и окажутся там, где по разумной человеческой логике им совсем и не следовало бы быть, и бывает так, что самый-то что ни на есть дока и знаток «верных» мест приедет на своё заветное с мыслью – вот я вас сейчас! – но, как говорят, только бороду утрёт да руками разведёт.

У грибов своя психология и своя логика, и хоть сто лет ты её изучай, всё равно до конца не постигнешь. Учёные мужи много, много лет ломают голову и над природою самого гриба, и над причудами его поведения, многое выяснили, выяснили да далеко не всё. Много своеволия у этого необыкновенного произведения природы и в выборе мест произрастания, иногда такой фортель выкинут, что диву даёшься, и только случай помогает разгадать их очередную выходку.

Так что места-то местами, однако же и случай, везенье в грибной охоте большое значение имеет.

Вот мне хочется вспомнить о таких несколько необычных, нестандартных, как сейчас говорят, моментах из своей не очень-то уж, может быть, и богатой грибной практики.

Отучившись в институте, отслужив положенный срок в армии, вернулся я домой в родные места. Вот лето пришло, за грибами охота сходить. По старой памяти в Киселёвский лес подался. Дохлое дело. Десяток хиленьких сыроежек, два десятка лисичек, да пара чельшей-переростков. Сосны на посадке, где когда-то маслят щёлкал, так вымахали, что их и не узнать, и маслятами

там совсем даже и не пахнет. Ну, ладно – не повезло, так не повезло. В другой раз пошёл я в Жуковский лес, к птичнику. Э! Какой тебе птичник! Будто тут его и не было никогда. Всё раскурочили, всё разорили да растащили... И лесок вытоптан весь, загажен...

Что делать? В Ваулинский лес подался, ноги молодые – семь вёрст не клюка. Вот только времени много потеряно зря. А день субботний. Едва в лесок зашёл, а там чуть не под каждым кустом грибник. А крику-то, ору: «Катя!» «Ого!» «Коля!» «Ага!»

Грустно, скучно что-то стало от этого крику во всех внутренних органах. Опять на опушку вышел, смотрю – виднеется где-то, может быть, в полукилометре лесок, не лесок и не перелесок даже, а так – какая-то куртина. Молоденькие берёзки вперемежку с осинами, и вроде как в хоровод собрались, сгрудились. И что-то толкнуло меня, кольнуло в какое-то место – да дай, думаю, схожу, всё равно уж терять нечего, всё одно нехорошо.

Дошёл. А берёзки с осинками вокруг рва неглубокого хоровод-то свой водят.

Таких рвов в наших лесах немало, их во время войны для обороны от немецких танков копали. Длинные рвы и глубокие, а этот – ну, может, метров тридцать всего.

Видимо его бросили копать, когда сверху поступила команда «отставить», когда в этих противотанковых рвах явно отпала надобность. Берёзки же да и осинки, кой-где и ёлочки по краю рва в своё время хорошо прижились, привились, вон какие красавицы! Пологие края рва будто коростой были покрыты слежавшейся, слипшейся в плотные серо-бурые пласты листвой, нападавшей с деревьев ещё в прошлую осень. На дне рва этой листвы за многие годы накопилось так много, что под ногою она проседала будто пружинный матрац. Нет, не видать и тут ничего хорошего.

И вот только вздохнул я так-то в безнадежной тоске и грусти, как боковым зрением заметил – на склоне рва сквозь слой слипшейся листвы будто бы красная лампочка высовывается. Откуда тут взяться лампочке да к тому же ещё и красной? Подошёл, любопытства ради ковырнул палочкой. Ого! В селезёнке так и ёкнуло – под пластом листвы прятался, будто одеялом прикрытый, крепыш-боровичок, и только одна малиновая шляпка наружу вылезла. Пока раскладывал ножик складешок, ещё одну такую же лампочку заметил, а вон там ещё, ещё!

И сердце моё забилося лихорадочно, как у авантюриста, напавшего на золотую жилу на Клондайке. Спокойно, спокойно, паренёк! Вооружившись крепким сучком, я стал осторожно приподнимать панцирь листвы, обследуя склоны и дно рва. Планомерно, метр за метром. Если на поверхности пласт листвы на солнышке так пересох, что даже потрескивал, похрустывал, ломаясь, то у земли он был влажен и густо пах перегноем. Внутри пласта хранилась влага то ли от дождевых вод, стекавших

сюда, то ли от самой земли. И это был гумус, самая благодатная среда для зарождения грибницы, а от неё уж и самих грибов.

На дне оврага слой слежавшейся листвы был так велик, что у грибов уж не хватало даже сил, чтобы пробиться сквозь него, но и там, и там их было множество, только, выросшие без света, они оказывались альбиносами, и скрученными то ли в бараний рог, то ли ещё каким-нибудь самым замысловатым образом.

Корзина моя наполнялась с невероятной быстротой. А вот уж она и полная. Я оглянулся назад – весь овражек будто крот перекопал, или свинья рылом вспахала. Нет, так дело не пойдёт, и, оставив корзину, я постарался уложить листву поаккуратнее, хотя, конечно, первозданного вида восстановить всё равно не удалось.

Подобного изобилия красноголовиков на таком сравнительно небольшом участке я не видывал уже больше никогда.

В Жуковском урочище

Теперь расскажу о случае с совершенно противоположным результатом. Это затем, чтобы опровергнуть весьма распространённое мнение, что чем ни дальше уедешь, тем больше наберёшь грибов.

Профком завода, где в то время работали мы с женой, в один из выходных дней в качестве культурно-массового мероприятия организовал коллективный выезд в лес за грибами. Для этого выделили грузовую машину, кузов её был оборудован съёмными скамейками из крепких досок. В шесть часов утра, ещё в сумерках, у заводоуправления собралось человек двадцать пять.

Стали судить, рядить – куда же податься. Кто-то предлагал поехать в Вашево, кто-то за Соломаты. Наконец решили ехать к Жукову, но, конечно, уж не к нашему Жукову, а в то, что находится у чёрта на куличках в Пестяковском районе Ивановской области. Кто-то из собравшихся, затягиваясь последним сантиметром сигаретки, заговорщицки, глуховато и с хрипотцой выдал информацию: «Белых там – косой коси!»

Ну, что же – раз так, то оно конечно, больше и думать нечего, едем в Жуково. Да и машину, раз уж её выделили, надо использовать на полную катушку.

Расселись по скамейкам, уплотнились, подталкивая друг друга то плечом, то мягким местом, и в путь. Кто-то нервно курит сигаретку, пуская дым в рукав, чтоб не ругались соседи, должно быть рисует себе в воображении несметные полчища белых грибов. Кто-то травит соседу в ухо бородатый анекдот.

Сначала по шоссе, затем по просёлочной дороге ехали около часа. Наконец, приехали.

Вот он Жуковский лес, а на карте именуется – это я потом уж поглядел – Жуковское урочище. Вытряхнулись, повыпрыгивали из кузова, и тут же торопливо – не опоздать бы к белым-то – разошлись кто направо, кто

налево, не всем же взводом в одном направлении идти. Да вот уж как-то разом и скрылись все.

Нас с женой дёрнуло пойти в глубь леса. Идём, идём, а что-то не то что белых – сыроежек-то не видать. Так – где-где лиловатая дрожалка-поганка попадётся, и то не часто. Через какое-то время встретились ещё с двумя грибниками из тех, что вместе с нами приехали. И у них в корзинках пусто.

Теперь вчетвером пошли, стараясь не упускать друг друга из виду. А всё равно – одна невезуха.

«Слушайте, пойдёмте-ка лучше к машине,» - кому-то, наконец, пришла в голову здравая мысль. А где она, машина? Да, должно быть, вон там.

Идём полчаса, идём час, а лесу не видать ни конца, ни краю. И само собой понятно, что не видать никакой машины. Принялись кричать : «Эгэ! Ага! Ого!» Показалось, что вон в той стороне откликнулся кто-то: «Э-э-э! А-а-а! О-о-о!» Ускорив шаг

пошли в ту сторону. Нет, никого там нет. Опять кричим – ого! И в другой уже стороне откликнулись – о-о-о! Поняли, наконец, что откликается нам всего лишь эхо лесное. И поняли, что окончательно заплутали...

«Дедушка лесной озорует, шутки над нами шутит, вот что,» - такая мыслишка давно уж червяком извивалась у меня в голове, да разве скажешь вслух, все четверо – люди с высшим образованием, а те двое, что к нам с женой примкнули, ещё и партийные. Насмех подымут.

Но что-то надо делать, куда-то да надо идти, не на месте же стоять. Авось, куда-нибудь да и выйдем, хоть бы на край леса, к деревне какой...

А на душе всё тоскливее. Да и день-то серый, скучный. Низкое небо будто грязно-серым солдатским одеялом затянуто, для поднятия настроеньица и бодрости духа нет-нет да и слезливым дождичком нас сбрызнет.

И сам лес – уж до того тоже скучный, мусорный какой-то. Всё ёлки да ёлки, тощие, голые почти что до самой вершины. Сумрак в лесу да какая-то щемящая душу тишина. И лишь вверху, в вершинах этих ёлок, еле заметное глазу движение, еле слышный уху заунывный звук, будто слабый стон больного человека. Глухомань...

Ещё идём – и час, и два, и всё та же глухомань, и нет ей ни конца ни краю.

А ведь чего бы уж проще – никто из нас, четверых высокообразованных людей не догадался об этом – поглядеть бы на комель берёзы, они хоть и не часто, но тоже кое-где торчали меж елей. Поглядеть бы на комель – от самой земли с северной стороны он всегда немного темнее, чёрных наростов больше, а по наростам - зелёный мох да бледно-голубой лишайник, вот тут сразу бы и догадались, куда идти. Ведь приехали-то и зашли в лес с южной стороны. Так нет, никому из нас четверых – инженеров, конструкторов, рационализаторов, умных людей, не пришла в голову такая простая мысль.

Ладно хоть, что в корзинке у каждого сиротливо болтались взятые из дома, завёрнутые в газету у кого скрой хлеба да огурец, у кого бутерброд с колбасой,

помидорина, яблоко. Нашли вывороченную с корнем, поваленную наземь лесину, расселись, развернули газетки с перекуской. Незаметно от своих товарищей отломил я кусочек хлебца, кусочек колбаски и так же незаметно сунул в щель на стволе лесины, и мысленно попросил : «Отпусти, Дедко. Поиграл да и будет.»

Вот заморили мы червячка, а часики знай себе тикают да тикают. Смотрим – вот уж они и три часа пополудни натикали. Восемь часов блукаем по этому, прости Господи, урочищу.

И вдруг
– что такое?
Издали
послышался
вроде бы
голос петуха.

Или
померещилось только? Уж не галлюцинации ли начались? Все четверо напрягли слух. Нет, и вправду – слабым ветерком донесло явственное петушиное «кукареку».

Ура! Вперёд, вперёд, ребята!

И сразу вроде бы даже прибавилось сил. Поднажали и вышли к захудалой лесной деревеньке, где с пяток убогих покосившихся избушек не шибко-то приветливо глянули на нас подслеповатыми окошками. Точно так же не шибко приветливо взглянула на нас и тощая согбенная летами старуха, достававшая воду из колодца. Полуглухая бабка еле-то еле поняла кто мы, откуда и что нам нужно. Может даже и испугалась от неожиданности, от внезапного нашего появления. Наконец, показала на тропу, узкой ленточкой-змейкой убегавшую в лес: «Вот коли эдак-ту пойдитё, на большак выйдитё. А там машины ходют. Можа, кто до Пучежа и захватит...»

«Как до Пучежа? Что за ерунда? Это что – выходит мы чуть не до Пучежа дошли? Ведь нам в Чкаловск надо, а не в Пучеж!...» «Дак это вы, сердешны, из Чкаловска? Да что за нечиста сила вас сюда занесла? Вот дак уж и чудеса...»

Оно и верно, что чудеса. А делать нечего – потопали дальше. Дошли до большака. Голосуем. Вот остановится кто-нибудь, долго и внимательно слушает, а понять ни чего не может. Потом : «Нет, я не в Пучеж,» и дальше покатил. И только на четвёртый, на пятый ли раз всё же сжалился кто-то над нами, довёз до Пучежа.

И хорошо ещё, что у одного из наших компаньонов оказалась в грудном кармане записка. Её хватило, чтобы купить билеты на автобус и осталось ещё на полбуханки хлеба и бутылку кваса.

Когда мы возвращались домой, в некоторых домах уж зажигали свет. Вот так мы «косой накосили» белых грибов.

Это был первый и единственный раз, когда пришлось домой из леса возвратиться с пустой корзинкой. Те три с половиной сыроежки, что всё-таки попались, вытряхнул я там, в лесу, чтобы не позориться. И в Жуковском урочище не довелось больше бывать ни разу.

Мы ТАКОГО НЕ ВИДАЛИ НИКОГДА

После того, как я вернулся из армии домой, жили мы первое время на частной квартире, не были обременены ни садовым участком, ни телевизором, и даже обедали в заводской столовой. Так что свободного времени у нас не только в выходные, но и по вечерам было хоть отбавляй.

Летом, взяв малыша из садика, наскоро перекусив, мы все втроём отправлялись куда-нибудь на речку, а если не на речку, так в лес. Для малыша на одном из велосипедов было к раме прикреплено седелко. Паренёк наш лет до трёх рос хиленьким, слабеньким, и такие прогулки для него как нельзя были кстати.

Вглубь леса мы, конечно же, не заходили, ездили просто так, погулять. Ну, разве же не приятно летним вечером прокатиться по лесной дороге, когда низкое солнце раззолотит верхушки елей и берёз, а стволы сосен загорятся пламенной янтарной ярью! Когда теплынь и благодать разливается по всей земле, и каждая-то полевая былинка радуется и по-своему славит Творца.

В один из таких благодатных вечеров ехали мы неторопливо наторенной дорожкой вдоль опушки леса, слева от дорожки довольно обширным зелёным пологом расстилалась луговина. Днём на эту луговину время от времени пастух выгонял покормиться, пощипать травку, немногочисленное стадо бурёнок, овец и коз. Но поскольку день уже давно уступил место вечеру, и солнце висело над самой зубчатой каймой леса, то стада на лугу давно уж не было и в помине...

И вдруг – да что же это такое? Вся площадь луга тут и там усыпана круглыми белыми яйцами. Ну и чудеса! Да ладно, какие чудеса – должно быть грибы-дождевики высыпали после вчерашнего дождичка. Слезли с велосипедов, и оказалось, что и не дождевики это вовсе, а свежие, совсем молодые, не раскрывшие ещё свои шляпки шампиньоны.

В этом месте необходимо сделать небольшое пояснение. В детстве и отрочестве от старших нами был усвоен ассортимент грибов достойных того, чтобы их срезать и положить в корзинку. Состоял этот ассортимент из десятка, ну, может быть, дюжины названий, всё

остальное причислялось либо к поганкам, а если не к поганкам, то к таким, за которыми лучше не наклоняться. Стоят – и пусть себе стоят. Нам таких не надо.

Вот к категории «нам таких не надо» и относился шампиньон. Ребятки упрощённо и презрительно называли его «шпион», и если уж попадался под ногу, то получал «шпион» хорошего пинка и мелкими крошками разлетался в стороны...

Однако с той поры многовато воды утекло. Теперь уж мы хорошо знали, что шампиньон относится к одному из самых вкусных и питательных грибов. Знали, что особенным почётом и уважением пользуется он у гурманов-французов. На французском языке «шампиньон», собственно говоря, и означает гриб.

Однако у большинства наших грибников даже и в те годы шампиньон не заслужил ещё должного почтения. В противном случае не увидели бы мы на лугу такого их несметного количества. Это уж сейчас вот разнюхали да разузнали, да и то далеко не все.

У нас с женой так, на всякий случай, к багажникам велосипедов были прищёлкнуты матерчатые хозяйственные сумки, в кармане брюк моих лежал - на всякий случай - ножик-складешок. И вот всё это как раз и оказалось кстати – случай нежданно, негаданно взял и подвалил. Через малое время наши сумки были затарены

опрятными, чистенькими первозданной белизны грибами.

С тех пор мы время от времени стали наведываться на этот лужок. И не раз ещё радовал он нас невесть откуда появлявшимися россыпями белоснежных грибов-яичек.

Около нашего дома возле сараек растут четыре большие берёзы, и всякий год, когда приходит их день и час, появляются около берёз шампиньоны. Смотришь – вот приподнялась около корня земля, пошла трещинами. И вот уж из-под этих трещинок появилось, проглянуло белое яичко. На другой день на этом месте вырос симпатичный крепенький шампиньончик. За один раз штук пять наберёшь, да ещё через день штук пятьдесят.... А, о том изобилии, что было на луговине, только и есть, что вспомнишь. Никогда больше такого не доводилось видеть.

Чудо-юдо ГРИБ СТРОЧОК

Ну, что же, коль зашла речь о грибах из разряда «нам этого не надо», расскажу ещё один случай. Мне было тридцать с небольшим хвостиком, работал я тогда в райкоме партии. Часто и во всякую пору приходилось выезжать в колхозы.

Поелику возможно, пользовались пригородным автобусным сообщением, а там уж, в колхозе, одиннадцатым номером, то есть пешочком. Однако в тот раз мы ехали с товарищем и более старшим по возрасту и более опытным в партийно-хозяйственных делах на райкомовском УАЗике. Какую-то неурядицу надо было выяснить и уладить на одной из ферм в дальнем колхозе.

День был солнечным, погожим, но холодноватым. Хотя уже, если верить календарю, и май начался, но тёплые дни не торопились как-то с приходом в наши края.

Побывав на ферме, «утрясли» волновавшие доярок закавыки, чего-то им пообещали, пожурили заведующего фермой. Когда «рябь на море улеглась», тронулись в обратный путь. Грунтовая, раскиселенная дорога пролегла мимо старой порубки. Среди больших, поседевших от времени пней появилось уже много молодой поросли – ёлочки, берёзки, бредина. Под подолами ёлочек, - не смотри, что май начался, - всё ещё лежал серый, ноздреватый снег. Сизые ледяные черепки никак не могли растаять и с северной стороны возле могучих пней.

УАЗик наш притормозил, может застрял в раздрызганной колее, может кому-то малую нужду понадобилось справить. И вот мой товарищ зовёт меня: «Иди-ка погляди!» Около старого пня прямо из льда, из посиневшего снега выглядывало, вылезало на свет Божий не поймёшь и что – нечто уродливо-сморщенное, какой-то коричневый, весь в извилистых морщинах шар.

«Строчки!» Мы осмотрелись кругом – вся порубка пестрела такими же шарообразными коричневыми уродцами. «Так ведь это же поганки, должно быть!» «Какие поганки! Это самый первый весенний гриб! Его приготовить только надо суметь. Отварить надо два раза, и оба раза воду слить. Потом промыть хорошенько и кроши в сковороду, жарь!»

Корзин у нас, разумеется не было, однако товарищ мой был практичен и сообразителен – съездили на сельскую почту за крафтмешками, в такие, изготовленные из прочной коричневатой бумаги, мешки упаковывают почтовые отправления. Вместительные мешки, крепкие. Вернулись на порубку и за полчаса накидали по полному

мешку этих самых строчков. Руки только заледенели, многие грибы приходилось вызволять из-под снега.

Дома жена долго не решалась браться за обработку диковинных, страшноватых на вид грибов. Не хватало ещё отравиться!

Наконец, после долгих уговоров грибы и отварены и пожарены. Две огромных сковороды получилось. Попробовали – похоже, что грибами пахнет, только уж больно скрипят во рту как резиновые, да и песочек нет-нет да взвизгнет, попав на зуб. Трудно их промыть так, чтобы в морщинах ни единой песчинки не осталось.

К вечеру в этот день пришла телеграмма – у жены в Пскове умерла сестра. На другой день рано утром мы спешно собрались и уехали. Когда через четыре дня вернулись, оказалось, что дома впопыхах без еды и без воды оставили кошку. Две большущих сковороды сморчков, конечно же, заплесневели, и пришлось их выбросить в помойное ведро.

Впоследствии ни разу в жизни не довелось мне больше видеть не только такого изобилия, но и вообще ни единого строчка. Да может оно и к лучшему, потому что, говорят, всё же они ядовиты. И мороки с их обработкой много, а вкусовые качества не ахти как высоки. Это мягко говоря.

ЧЕРНОГОЛОВЫЕ КРАСНОГОЛОВИКИ

Привычки и понятия, усвоенные в детстве, они так устойчивы, так цепко держатся в сознании, что в последующем отказаться от них довольно трудно. Я уж говорил о том, что ассортимент грибов, которые у нас считались «правскими», то есть правильными, пригодными в пищу, был весьма невелик. И даже в этом небогатом ассортименте наименования некоторых

грибов отличались от общепринятых, и вот даже сейчас, когда о грибах перечитано не то, чтобы очень уж много, но всё-таки что-то да читано, никак не поворачивается язык назвать подберёзовик подберёзовиком, для меня он и по сию пору – челяш. А подосиновик у нас называли боровиками. В других местах боровик – это чаще всего белый гриб. Ну и что? А у нас вот боровичок – это красноголовик, и всё тут.

Волнушка, гриб-солонуха, у нас называлась ещё и волжанка. Согласитесь, что волжанка звучит по крайней мере не менее поэтично, чем волнушка.

Белый груздь, когда он ещё нет-нет да встречался в наших местах, называли хруль. Ну, это уж прямо звукопись какая-то – вот он, хорошо усолевший, маслянистый, хрустнул, крикнул во рту – хр-р-р, а потом уж, будто устрица, сам собою в желудок – уль!

Из-за предвзятости, опять-таки усвоенной в детстве, я, например, долгое время с пренебрежением относился к опятам, может быть, ещё и из-за боязни спутать их с ложными опятами. Но настоящий осенний опёнок – это же просто чудесный гриб, чистенький, опрятный. И брать его споро и куда хочешь пригоден – жарить, сушить, мариновать. Летних опят, правда, и по сию пору не беру. Уж больно жидко дело, и вот их с ложными спутать нетрудно.

Когда у нас появилась книга Ф. Фёдорова « Грибы», замечательная, надо сказать, книга, самый настоящий определитель грибов, поглядели мы её, почитали, и оказалось, что многое из того, что мы с самого детства и

долгие годы считали поганками, вовсе и не поганки, а вполне съедобные грибы.

Ну, ладно, пусть даже и так, всё равно никогда в жизни не брал я и сейчас не беру ни мокрушек, ни горькушек, ни рядовок, ни говорушек. Пусть уж лучше они кому-нибудь другому достанутся.

Валуи? Валуи у нас назывался забалуи, кулак, дурак. Не брали мы валуёв. Сейчас я знаю, что это неплохой гриб. Но надо уследить, когда пойдёт их слой, когда их в лесу «косой коси». Их надо набрать достаточное количество, чтобы засолить отдельно от других грибов, дать им

хорошенько усолиться, месяца два не меньше. И всё-таки – это не мой гриб.

Скрипиц один раз для пробы, для интереса нарезал десятка полтора. На вид вроде бы чистенький, беленький, опрятный грибок. Отварили – безвкусный как щепка. Нет гриба – и это не гриб.

Как-то попалась на глаза чешуйчатка. Семейный гриб, вроде опёнка. Рыжие ёжики такие. Опять из любопытства срезал несколько штук. Дома отварили, нет – до опят чешуйчатке далековато.

Так что к грибному ассортименту, усвоенному в детстве, в зрелые годы и даже после ознакомления с книгой Фёдорова мало что добавилось. Опята, шампиньоны – что ещё?

Ещё – польский гриб. В народе эти грибы называют карнаками. Появляются они ближе к осени и растут до самых морозов. Когда мы с женой разнюхали его замечательные качества, то он вошёл в разряд самых

уважаемых, разумеется, после белого. Многие по незнанию считают его ложным белым, или же не берут руководствуясь общеизвестным правилом : не знаешь, что за гриб – лучше не бери. И не берут. И правильно делают – нам больше достанется!...

Это шутка, конечно. Но и грибы – те ещё шутники. Иной раз самый что ни на есть разызвестный гриб примет такое невиданное обличье, что только удивляться приходится, а иногда теряешься даже, что это за «фрукт» такой, и брать ли уж его.

Как-то осенью, сентября уж не половина ли прошла, поехали мы к Белянихе, это, если по большой дороге в западную сторону ехать, последняя деревня нашего района, дальше Пестяковский начинается. Тридцать километров верных дотуда будет.

Оставили машину в деревне и пошли на сухие болота в надежде набрать брусники. Миновали участок леса и вышли на светлое открытое место, поросшее хилыми берёзками да мелким осинником. Брусники мы набрали немного – то ли до нас её тут выбрали всю, то ли год на неё был неурожайный. И такое бывает.

Ходим, бродим по лощине, кочек много, брусничнику на кочках много, а брусники нет. Ну, ладно – зато воздух какой чудесный, как тонко,пряно пахнет прелым листом. Осинки уж заалелись и лист даже понемногу начали ронять на землю. Осинковый лист, особенно если место влажное, быстро на земле из ярко-оранжевого в синевато-

чёрный превращается, лежит будто пластины серебра, тронутые чернью.

Трава в лощине, несмотря на начавшуюся осень, ещё зеленым зелена густа и высока. Видимо достаточно ей и влаги и тепла. Ходим мы по этой травке в некой элегической грусти, и вдруг вроде как запнулась нога за что-то. Нагнулся посмотреть – ого, гриб! Да какой! Нога – с локоть, а шляпка небольшая и иссиня чёрная.

Что за гриб такой невиданный? Ножка вроде бы как у красноголовика,

сочная, крепкая и на поверхности в чёрных штришках, будто подгорела малость. Но почему же шляпа-то так черна? Пригляделись получше, и половина из того, что поначалу приняли за опавшие в траву и почерневшие осиновые листья к удивлению и радости нашей оказались шляпками таких вот странноватых черноголовых красноголовиков. Маскируясь под опавший осиновый лист, грибы каким-то образом обрели совершенно нехарактерный для них окрас. Обычно боровичок-красновичок носит шляпу светло-оранжевую, встречаются красновики-альбиносы, которым больше по нраву белая шляпа. Всех нарядней – это вот настоящий красноголовик – с яркой малиново-алой шляпкой. И по белому корешку у них штришки не как у других – чёрные, а красновато-коричневые. Найти такого красавца для

меня, например, радости доставляет ничуть не меньше, чем если бы нашёл белый гриб.

А тут нате вам – не видели ли нас в чёрных шляпках. Дома сколько бы я не листал книжек ни в одной, ни на одной картинке не видел черноголового красноголовика.

Ещё один случай был, когда попавшиеся нам с женой грибы привели нас в замешательство. Возвращаясь из леса после не очень-то удачного похода за опятами – их слой уже кончался, мы на самом выходе заглянули в сосняк, что полосой тянулся по опушке. Когда посадка была молодой, тут водились маслята. А теперь сосна вымахала чуть не до неба, и надежды найти тут хотя бы что-нибудь никогда не оправдывались...

В тот раз мы зашли туда уж просто так – может, хоть сыроежка какая хотя бы попадётся. Зашли – и тут же нас встретила целая компания симпатичных грибов, росших на открытом месте, ни от кого не прячась и совершенно ни кого не стесняясь.

Что за чудеса? Срезали один и стали гадать, что же это за гриб. Шляпка светло-охристая, низ у шляпки серовато-жёлтый. Ножка крепкая, но не очень толстая, а толщины одинаковой, что вверху, что внизу. Белый? Да нет, конечно. Разве можно с чем-нибудь спутать белый гриб? Похож на чельша, да не чельш. Тот всё-таки, если уж вырос большой, то рыхловат, а этот крепко, уверенно стоит на ноге. И шляпка упругая.

Желчного гриба, бывает, появляется также вот много, так ведь его тоже легко узнать – у него ножка

будто бы в дамский сетчатый чулок одета, как у паренька с ненормальной ориентацией.

Да... Загадка. Лизнул на всякий случай срез гриба, от шляпки отломил, лизнул – нету никакой горечи.

Попались нам навстречу ещё два грибника, спрашиваем: « Вот это вот что за гриб за такой?» « Да мы и сами тоже гадаем – вроде бы на моховика похож...» « Ну уж, сказанул! Какой же это моховик? У моховика шляпка вроде как у замши коричневой, а низ зелёный, ноздрястый». «Тогда дубовик может...» «Ага, в таком лесу только дубовикам и расти!» «Ну, тогда убей – не знаю!...» «Вот то-то и оно!» Грибники пошли дальше, а мы накидали всё-таки в корзинки этих неизвестных, подозрительных грибов. Дома разберёмся...

Придя домой перво-наперво достали книжку Фёдорова. Да вот же он – моховик жёлто-бурый. Вполне съедобный гриб.

Может быть, когда-нибудь и ещё в этом сосняке появлялись жёлто-бурые моховики, но мы не только такого нашествия, а даже и одного экземпляра больше никогда не видели.

В ГИБЛЫХ МЕСТАХ

Ну вот, порассказал всяких историй про изобилие шампиньонов, строчков, моховиков. Это хорошо. А как насчёт изобилия белых грибов? Был, был и такой случай. Историю эту и захотел бы да не забудешь...

О ту пору работал я в музее В. П. Чкалова, и был при музее микроавтобус УАЗ «Кубанец», в просторечии «буханкой» называется. Шофёр Витя работал у нас за полставки, основная работа у него была в пожарной

охране. После суток дежурства – три дня свободных, вот он и подрабатывал у нас.

Витя был пареньком шустрым, активным. Вот однажды он проявил инициативу сделать коллективный выезд за клюквой на чистовские болота. Ого, это дело не шуточное. Гиблые там места, и страшные рассказы ходят между людьми о загубленных в этих болотах душеньках.

Но Витя договорился уже, что с нами в качестве проводников поедут двое жителей деревни Голышево, что находится рядом с Чистым, - Витин коллега по его основной работе да его мать. Они, почитай, всю жизнь на этих болотах берут клюкву, деньгу на этом деле хорошую выручают. С ними не пропадёшь и не сгинешь.

Вот собрались мы, те, кто изъявил желание, поехали. А до Чистого путь не ближний – километров сорок, это наверняка. В Голышеве захватили наших проводников – долговязый, востроносый парень, а мать его наоборот коренастенькая, круглолицая, в фартуке поверх заношенной фуфайки.

Миновали Чистое, знаменитый посёлок торфяников, и вот уже песчаная дорога прямёхонько повела всё дальше и дальше в глубь не менее знаменитого Чистовского урочища. Лет полсотни, а то так и побольше добывали в здешних болотах торф – топливо для Балахнинской ГоГРЭС. Сейчас всё заглохло, нет больше торфопредприятия.

Однако это совсем другая тема, вернёмся лучше к клюкве. Проводники наши довольно быстро нашли у самой дороги богатую ягодами низину, неглубокой, но довольно обширной круглой впадиной лежавшую меж окружавших её сосен. Вся эта низина густо поросла всевозможной болотной растительностью, чем дальше от края, тем эти дебри становились всё гуще и выше.

«И змеи тут могут быть?» - опасливо поинтересовались мы у аборигенов-проводников. «Да ведь кто её знает... Наверно, могут и быть. А ты не думай про это, давай вот принимайся за дело-то. В нутро-то не ходи. Вишь, её, ягоды и на краю довольно...»

Наши проводники, долго не рассусоливая, принялись за дело. Из дома они прихватили с собой низенькие скамеечки, расселись на них раскоряча ноги, и корзины между колен. И вот обеими руками так же, как доят коров, с завидною быстротой принялись стрекать в корзины клюкву. Если лист попадается – и внимания на это даже не обращают, обдирают вместе с листом.

«Змея, она к осени квёлая делается. Да и летом, коли её не трогать, дак и она тебя не тронет. Давай, давай, хватит рот-от разевать, принимайся за дело-то...»

Наконец и мы распределились, расселись по краю болотины. Однако сноровки к этому делу, сбору клюквы, у нас не было никакой. Присев на корточки, одной рукой держишь прядь куста, а другой по яголке щиплешь в горсть. Горсточка по горсточке, а прибывает плохо. Сидя

на корточках, заломило, мочи нет, в коленках. А может, лучше прямо на коленки и встать? Вроде оно и верно – получше, но через полчаса спинушку заломило так, что хоть бросай всё дело.

А проводники наши передвинут скамеечки на два шага да опять во всю прыть работают будто машины заведённые. Часа через три у проводников наших корзины были полны, у нас же – у кого чуть побольше полкорзины, а у кого чуть поменьше. У меня, конечно, чуть поменьше.

Посидели провожатые на стульчиках минут с десяток, почесали в одном месте, почесали в другом. Смотрят на нас неумех и видят, что нам и до конца дня по полной корзине не набрать. Наконец женщина говорит: «Надо бы, Витюшка, домой ехать. Дома-то делов полно. Скотина не поена, не кормлена. Поросёнок, чай, с ума голодной-от сходит...»

Ну, что же – домой так домой. Оно и к лучшему, ноги гудом гудят, а спина им подпевает.

Поехали. А лес кругом знатный да статный. Чудо, а не лес. Вот Витюшка тормознул машину: «Тётъ Нюр, мы сходим, заглянем в лесок-то хоть на минуту. Ладно уж, потерпит твой поросёнок ещё немного...»

Взобрались с дороги на гриву, а там сосны – одна другой краше. Стволы ровные, прямые, будто колонны Екатерининского дворца, и стоят редко, далеко друг от дружки. Под ногами мох белый, так и пружинит под ногой, ковёр да и только! Глядим – а по этому белому ковру банки консервные, коричневые от

ржавчины, разбросаны везде как ни попадя. Да что же это такое? Откуда они здесь взялись, кто набезобразничал?

Подошли поближе – вот так ничего себе! Вот так банки! Оказывается, это белые грибы шляпы свои высунули поверх мха. А мох тут высокий, не то, что в нашем лесу, каждый стебелёк высотой не меньше четверти. Вот грибы и старались перерастить его, вылезут из его недр, дабы увидеть свет божий, погреться на тёплом солнышке.

Впервые в жизни увидел я столько белых грибов, да ещё и совсем не прятавшихся, таких, что их и искать не надо, а только знай ходи от одного к другому да срезай. А красавцы-то всё какие! У иных шляпка чуть не с тарелку,

загорели аж до черноты, а нога – мощная, жилистая и величиною с локоть.

Таких богатырей десятка полтора хватило, чтобы наши наполовину заполненные клюквой корзины стали полны грибами чуть не под ручку. Обрезать бы им шляпки, побольше бы убралось, да уж больно хотелось похвастаться такими гигантами дома перед женой.

Дня через три всё той же компанией собрались опять за клюквой и всё на то же место. Спина моя ещё и с первого раза не отошла, поясница ныла так, как будто кто но ней колуном хряпнул, поэтому, когда приехали к болоту, я решил – нет, пойду-ка я лучше сначала беленьких грибов понарежу. Компания пошла на болото, а я в сторону от дороги, в лес.

О, как приветливо встретили меня могучие золотоствольные сосны, и как бы расступились передо мной: «Заходи, заходи, дорогой! Гостем будешь!» Как приятно похрустывал под ногою вереск, и мох – такой он чистый, опрятный, пружинистый. И вот, вот опять – слева, справа высовываются коричневые шляпы из недр и зарослей мха.

А как тут чудесно, легко дышится! Даже сам ландшафт здешней местности совершенно непохож на тот, что свойствен нашему смешанному лесу, где ёлки тесно гуртятся в перемежку с берёзой, где сумрак даже в солнечный день. А тут гляди-ка как радостно, как светло! И даже сама поверхность земли необычна – одна грива волнообразно переходит в другую, за одним увалом поднимается другой увал.

С тихой радостью срезал коренастых красавцев, неторопливо спускаясь с одного угорья, неторопливо поднимаясь на другой. И вдруг – за одним из увалов показалась дорога. Песчаная раздрызганная огромными

колёсами тяжёлых машин-лесовозов. И точно такая же, как та, по которой мы на своём УАЗике добились сюда.

Что такое? Неужели я закружился и вышел к тому же месту, откуда зашёл в лес? Что за чертовщина... Да нет, вроде бы я и шёл-то всё в одном направлении. Всё-таки это, должно быть, другая дорога.

Неприятно ёкнуло что-то внутри, в животе и ниже. Быстрым шагом пошёл назад, уже без особого энтузиазма срезая попадавшие грибы. Шёл, шёл – ага, вот ещё дорога, и опять такая же раздрызганная, вся в отпечатках протекторов машин-лесовозов. Сколько же их тут, дорог?

И вот тут меня уж всерьёз охватил страх, задолбило сердце, застучало в голове. Ослеплённый азартом, предвкушением поскорей увидеть невероятное грибное изобилие, я опять допустил самую что ни на есть дилетантскую досадную ошибку – заходя в лес позабыл сориентироваться, где север, где юг. Ведь если бы я это сделал, никакого бы затруднения и не составило бы определить какая же из дорог «наша».

Да и если бы успокоиться, немного собраться с мыслями и опять-таки поглядеть на комли сосновых стволов, то и увидел бы где пятнышко лишайника, где зелёный мох в трещинах коры, вот и сообразил бы сразу, куда направить стопы свои.

Но нет! Куда там! Страх и ужас парализовали разум, поселились в каждой клеточке тела. На память пришли многочисленные байки, как люди, даже и опытные, из местных, навсегда оставались в этом лесу, где одни болота да трясины и хоть в ту, хоть в другую сторону иди нет им ни конца, ни краю.

Николай Иваныч Жигалов, охотник, бывалый человек, плутал здесь три дня, еле выбрался, и выбрался весь седой. Одна женщина из Чистого тоже плутала дня три или четыре и домой вернулась уж не в своём уме.

Какую-то женщину нашли в лесу мёртвой, а сколько таких, что ушли, да так там и пропали.

Я стал кричать в надежде, что, может быть, кто-нибудь отзовется. Да кто тут тебе отзовется? Кричи хоть до ночи, коли охота.

Сосны, ещё час назад так радушно, так приветливо встретившие меня, теперь глядели с высоты преогромнейшего роста с полным безразличием ко мне и к моей участи. Да и не глядели даже, и вроде как отвернулись, и думали про себя: «А кто тебя сюда звал? А что тебе дома-то не сиделось? Ведь ты же здесь всем чужой...»

Хоть и с отчаянием, но я был вынужден с ними согласиться.

Вон муравьишка, махонький совсем, идёт – ковыляет, спотыкается, чего-то тащит. Но он дома и знает куда и зачем он идёт. А вон поползень шныряет по стволу сосны туда-сюда, вверх-вниз, и у него никогда не возникает никаких проблем – куда в какую сторону ему податься. Он дома.

А я? А ты здесь чужой. Во всяком случае, глупый, невежественный, не знающий элементарных правил в этой среде, в этом сообществе, в чудном, но чуждом тебе дворце с вызолоченными колоннами сосен, устланным чистейшими коврами мха.

Обессиленный, деморализованный страхом, маленький и ничтожный, ничтожней даже вот этого муравья и чёрного с фиолетовым отливом жука,

барахтавшегося во мху, шёл я бездумно, наугад, лишь бы куда-то идти.

На грибы я уж даже и не глядел, потому что казалось, вот и они на меня посматривают да ухмыляются: «Ну, что же ты нас не берёшь? Или уж досыта набрался?» Эти грибы переростки казались какими-то гномами-колдунами, вот сменили обличье и заманили сюда, предварительно лишив благоразумия и осмотрительности.

В довершение ко всему где-то там далеко-далеко началась артиллерийская канонада, и эхо разносило по всему лесу, будто раскаты грома, грохот залпов, и даже земля время от времени вздрагивала под ногами. Ага, вот теперь не хватало только ещё того, чтобы какой-нибудь железякой долбануло по башке...

Дело в том, что в Чистовском урочище, за лесами, за болотами находилась воинская часть, и во время учений даже у нас в Чкаловске, на расстоянии пятидесяти километров, от мощных залпов вздрагивали стёкла в окнах, а если это происходило поздним вечером, то в юго-западной стороне пол-неба охватывало огненными всполохами, и казалось, что действительно идёт гроза.

Но вот после всех страхов накатила какая-то волна безразличия, равнодушия ко всему на свете. Я сел в мягкий мох около сосны, привалился спиной к её стволу. Вынул завёрнутый в пергаментную бумагу из-под печенья бутерброд – два куска хлеба с проложенной между ними колбасой. Но что-то и хлеб в горло не лезет. Один кусок да колбасу съел, а второй положил около сосны. Дедке? Не знаю... Птицы, может, поклюют...

Встал, пошёл нога из-за ноги. И вот опять – да что ты будешь делать? – опять всё такая же, как и прежние, дорога показалась в просвете между деревьями. Песчаная, изрытая протекторами широких колёс. На всякий случай

я всё-таки крикнул: «Эге-ге-е.» И – о, чудо! Мне откликнулись. Негромко и спокойно... Прямо ко мне по дороге шёл с полной корзиной грибов, как можно было определить по виду, служивый из той воинской части. На нём были защитного цвета брюки и куртка, на голове берет с кокардой. Поздоровавшись, я признался, что заблудился немного, и вот теперь не знаю куда, в какую

сторону мне идти. Служивый осмотрел меня с некоторым подозрением. «Ну, явно уж не туда» - кивнул он в сторону откуда доносились залпы. «Чистое – там, - махнул рукой, обернувшись назад, - Далековато, однако, идти.» «Что делать... Всё лучше, чем в лесу оставаться.» «Это тоже верно.» И мы разошлись.

Пошёл я в указанном направлении, от сердца всё-таки хоть немножко да отлегло. Бровкой иду, не песком, и вдруг вижу – прямая колея разворочена зигзагами, песок выбит колёсами и в правую, и в левую сторону. Ага! Так это ведь Витюшка тут буксовал, пока не включил вторую ось. Песок летел вон куда, так, значит, мне всё же надо идти в другую сторону. На душе ещё больше полегчало, и откуда-то сил поприбавилось, чуть не бегом побежал по травяной бровке. «Только бы не уехали без меня, только бы дождались!»

И будто у малого ребятёнка запрыгало сердчишко от радости, когда в кустах на обочине заприметил я нашу голубую «буханку». Возле неё стояла, ожидая и беспокоясь за меня, вся ягодная компания.

«Что-то больно долгонько вроде бродил?» - одними глазами смеётся тётя Нюра. – Мы уж стали переживать за тебя.» «Да вот – закружился маленько...» «В наших-ту лесах, да незнамши закружиться немудрено. И то, я гляжу, больно смело пошёл, да один-от. Да думаю, значит, к лесу-то привышной... А то ведь вон сколько душенек-ту Дедко-то тут к рукам прибрал. А что шляпки-то у грибов-ту не обрезал? Поболе бы убралось...»

Не стал я объяснять тётке Нюре, что не до того мне было, не тем была занята голова.

Расселись в машине по местам, тронулись в обратный путь. Вот как хорошо! Вот как славно! Вот теперь уж в душе будто соловьи поют! Не знаю – то ли Дедко надо мною сжалился, то ли Господь помог, то ли Ангел хранитель вынес меня на крыльях своих из колдовского круга. Кто-то да помог. Ведь дело могло обернуться совсем не так благополучно.

В Чистом заехали в магазин, тётке Нюре надо было купить хлеба для скотины. И мы купили по её совету по буханке хлеба, только не ржаного, а белого. Хлеб такой мягкий, что вот садись на него и превратится в блин, а встанешь – опять буханка. А вкусный, душистый – больше такого никогда в жизни не ел. Вот честное слово!

И теперь, через много-много лет, вспоминается загорелая, маслянистая, тёмнокоричневая горбушка этой буханки. Вспоминаются и точно такие же горбушки-шляпки загорелых чуть не до черноты огромных белых грибов. Нет, никогда не видывал больше таких. Да и на Чистом больше не бывал.

ЩЕТИНИНО – КОЛОБОВО

Я рассказал несколько грибных историй и случаев единичного характера, то есть хотя бы чем-то да необычных, нерядовых, неординарных. А сколько их было, походов и поездок в лес за всю-то жизнь! Не перечить!

Конечно, не всякий из этих походов оставил яркий, незабываемый след в памяти, да ведь всё и не перескажешь, но всё равно – каждый был чем-то своим и

необычен, и интересен. Ведь это же охота! А охота всегда непредсказуема, и именно этой стороной, неожиданностью, непредсказуемостью и привлекает.

Перед каждым походом, перед каждой поездкой волнуешься, как мальчишка-студентишка перед экзаменом. Ещё накануне, с вечера, начинало понемногу охватывать это волнение. Ещё только припасаясь – за корзинкой в сарай сходишь, резиновые сапоги поставишь у порога, плащ найдёшь, чтобы завтра утром не производить лишнего шума и не суетиться, а нервный мандраж уже где-то там внутри подёргивает, какая-то жилка уже вибрирует.

Будильник заведёшь, чтобы не проспать, да какой уж сон, и спится плохо. Задолго до звонка будто кто в бок ткнёт, чайник поставишь, чтобы желудок кипятком согреть. В газету кусок хлеба, помидорку, огурец завернул и – ноги в руки, – за порог, на автостанцию.

На улице так и передёрнет всего утренним холодком, и меж лопаток будто змейка ледяная проползёт. Небо на востоке в жидкой сукровице, но солнца пока ещё не видать. Спешу, чтобы успеть к шестичасовому пестяковскому автобусу. Ого, да оказывается, и не я один, у автостанции, поёживаясь и позёвывая, уже толкуются ещё человек пять шесть в ожидании автобуса.

А солнышко уже первыми лучами густо выкрасило в ярко-багровый цвет верхнюю часть главного здания завода «Плутон», корпуса которого выстроились в ряд по другую сторону от дороги напротив автостанции.

Но вот и наш автобус подкатил. Несколько деревенских женщин, успевших расторговаться молоком, да грибная братия быстренько рассовалась по местам, и – в путь.

Человека два грибников слезают в Сицком, двое-трое у Яковлева, кто-то не доезжая Новинок. Ну, что же –

пусть каждому из них улыбнётся удача! Я же еду до своего места и последним из грибников выхожу из автобуса напротив Щетинина, небольшой деревеньки, прижавшейся к пригорку, на некотором расстоянии от большака. Слева от Щетинина – поле, и его полукругом огибает лес. Вот туда-то мне и надо. Вот в этот лес, как только начиналась грибная пора, и ездил я лет пять, а может, и шесть.

За лето, за сезон самое малое раза четыре туда наведаешься. Первые грибки пойдут – чельшики,

красновички, беленькие-колосовики – надо за ними съездить? Надо! Ну, а когда белым коренной слой подойдёт, тут уж пару раз съездишь, как минимум. Солонух надо на зиму запасти, груздей, сыроежек, волжанок. Ближе к осени слух пройдёт – опята выскочили. Как тут дома усидишь?

Сегодня же у меня, можно сказать, открытие сезона, выбрался за лето в первый раз. Ничего – впереди целый месяц отпуска!

Споро, торопко иду краем луговины по бровке по наторённой тропе. Вон он , лесок-то зовёт, манит!

Солнце приподнялось над землёю ещё не так высоко, оно у меня за спиной, а впереди – моя собственная тень, длинная, длинная и тоже торопится, и никак её не догнать. Многоцветными алмазами горят на солнышке крупные тяжёлые гроздья росы в траве у тропы, и если бы не резиновые сапоги, то ещё и не доходя до леса, промочил бы насквозь и ноги и штаны. А уж тем более в лесу, там и сам бы до нитки промок, да выручает плащ.

Плащ у меня мировой, из болоньи, то, что надо. Свернёшь его потуже, и получается свёрток всего лишь с локоть величиной, места в корзине занимает совсем немного. Служит он мне верой и правдой много лет. Правда, лазая по чапыжнику, бывало, что и порвёшь его где-нибудь, но дома подлатаешь, и опять он годен в дело. И в дождик в нём не промокнешь, и ветром не продует.

Так вот, я уж достал его из корзинки, натянул поверх куртки. Лес-то – вот он, встречает уж меня. Берёзы прошуршали листвою: «Добро жаловать! Давненько что-то тебя не видали!» И ёлка – вон там, чуть подалее, помахала рукавом: «Привет, привет, пропащий!» А я с ними ещё раньше, ещё с тропы поздоровался: «Доброе утро, здравствуйте, мои дорогие!» А жилка беспокойства, волнения всё сильнее зудит. Ведь теперь вроде как бы в экзаменационную аудиторию вошёл, и билет надо тянуть. Что достанется? Повезёт-не повезёт?

Корзинка пуста, лишь свёрток с перекусковой сиротливо прижался в уголке.

И вот – первый гриб. Тут уж не важно, что сыроежка, или лисичка какая-нибудь, всё равно надо срезать. Пока зазнаваться рано. Это вот когда корзина будет на две трети полна, тогда – да, тогда не всякой сыроежке можно кланяться. Тощенькую да плюгавенькую лучше и не брать, всё равно, пока до дому несёшь, вся раскрошится.

Эге, вот так раз! Даже и не в лесу, а совсем в стороне, на открытом месте, стоят в зелёной травке, будто братишки родные, три симпатичных челяшика. А вот и ещё одна семейка, любо им на свету, на солнышке, нежатся на пригреве.

Лес пока ещё не прогрелся как следует, и вглубь больно-то и забиваться нечего, а так вот – по опушке да по краешку. Впереди десятка полтора берёзок вроде как бы

отскочили от основного массива леса. Вразнобой стоят, не густо.

Взрослые берёзки, комли у них угольно-чёрные, кора будто плугом вспахана, в рытвинах глубоких. Вот меж этих берёзок стоит побродить. Корни у них узловатые, замшелой землёй прикрыты, а приглядишься – меж корешков землю то тут, то там красноголовые ребята боровички взбугрили. И рослых пареньков с десятком найдёшь.

Пройдёт дня три-четыре и красновикам тут станет жарко, переберутся они в лес, но не глубоко, в прохладные, влажные еловые чапыжники. Молодые ёлки тут так тесно растут, невпролаз, и чтобы достать забравшегося туда боровичка, приходится ложиться на брюхо и по-пластунски ползти в сучковатые колючие дебри. Еле-то еле до него дотянешься...

А на следующий раз и в чапыжниках красноголовиков как и не бывало. Куда пропали? Время их, может, прошло? Да нет, рыженькие хитрые ребята на просеку перебежали. Через весь лес идут параллельно краю длинные лесосеки, их на случай пожара когда-то прорубали. Но с тех пор заросли они мелким березняком, где ёлочка торчит, где бредина. Вот выйдешь на просеку утречком, солнце пока ещё прячется за вершинами елей и берёз, что стеной стоят по краю просеки, выйдешь – и аж дух захватывает от красоты! Золотые солнечные лучи наискось широкими полосами пронзают лес сверху донизу, и по золоту дымно курится голубое воспарение, исходящее от высыхающей росы, что белым молозивом

обстрекала и травы, и листву. Стоишь, как зачарованный, и уж не верится что явь это, а не сон.

Вот в такую пору, когда потеет и преет земля, и вылезают грибы наружу из её недр, прут недуром повсеместно и неисчислимо!...

Но всему своё время. На просеку я ещё приду, только в другой раз. А пока вот тут, по краешку ходи да ходи себе, не торопясь.

Грибок к грибку, где боровичок, где чельшик, а где и сыроежка плотненькая, крепенькая. А в корзинке прибывает да прибывает. Да ты смотри-ка – белый – колосовик стоит подбоченился. Хорош, хорош! Как такого бравого паренька не взять! Колосовик полубелым ещё иногда зовут, низ шляпки у него желтоватый и пожиже будет настоящего. Ну и что с того? Придёт время и настоящим!

А денёк и сегодня хорош! И солнышко вовсю припекает. Сколько же времячка-то на моих позолоченных? Стекло на часах от перепада температур запотело, покрылось изнутри испариной – мелкими, мелкими капельками. И стрелки едва разглядишь. Ого, уж вроде бы десятый час пошёл. И кусты и травы пообсохли. Плащ теперь можно снять да свернуть, да в корзинку сунуть, Вот как вольготно сразу стало без плаща-то!

Корзину сегодня для первого раза я взял не самую большую, средненькую. Да и её ещё надо суметь набрать. Ничего, ничего – вон уж полкорзины и накидал. Да даже если и не наберу полную – какая тут беда? Ведь его ещё и нет пока, настоящего слоя, а так – первые грибы, первая радость.

Полукольцо леса, опоясывающее поле, вторым своим концом упирается в придорожный кювет у шоссе. Когда до этого места остаётся около получаса ходьбы, ставлю корзину на землю возле рослой берёзы, той, что стоит выбежав почти что к полю, в стороне от весёлых подруг, сажусь около неё в траву и, прислонившись к стволу спиной, с наслаждением вытягиваю с непривычки немножко подуставшие ноги.

То ли из моей корзинки, то ли из леса так тянет грибным духом, а к нему примешивается ещё много разных запахов – и свежей берёзовой листвы, и хвои, и еловой смолки. А ещё и травы, и скромных лесных и луговых цветочков, что мелкими разноцветными пятнышками мельтешат перед глазами.

Вот теперь можно и перекуску сделать, заморить червячка. Достая из кармана куртки скрой хлеба, огурец, помидорину. Надкушенный молодой крепкий огурчик хрупнул, крякнул во рту, ну, и всё – свежий огородный запах его сразу же забил все тонкие, нежные лесные ароматы, то едва улавливаемые, то ощутимые явственно и остро.

А глаза всё глядят, глядят и не могут налюбоваться широкой панорамой с овсяным полем впереди, за полем - светло-охристая лента дороги-большака, а дальше деревня Колобово, а ещё дальше – синеватая, мреющая в дрожащем мерцающем воздухе, полоса лесов тянущихся далеко, далеко и в ту и в другую сторону.

По дороге время от времени медленно ползут тяжёлые, гружёные громадными сосновыми хлыстами, машины-лесовозы. Отборный лес везут! Каждое дерево у комля чуть ли не метр в диаметре. Машины похожи на

чудовищ, на монстров и даже земная поверхность содрогается под их тяжестью. День за днём чалят они умертвлённые тела могучих сосен, что совсем ещё недавно стояли, казалось, непоколебимо, вознося гордые головы под самые облака. День за днём визжат бензопилы в лесных урочищах за Соломатами...

Жалуются охотники, что разорены теперь вековые глухаринные токовища, сетуют грибники, что не сыскать стало обильно росших в этих урочищах белых груздей...

Тихо и медленно плывут большие белые облака над деревней Колобово, над лесами, уходящими синеватой полосой в мреющую даль, над зелёными полями, над всюю огромной и тёплой русской землёй, несмотря ни на что, всё ещё прекрасной.

Но надо вставать, время идёт. Надо идти к остановке. Около полудня появится, выползет из-под горы со стороны Соломат старенький, разбитый вдрызг автобус, если, кой грех, не заглохнет там на крутом подъёме.

ФЕДИН ЛЕС

Хорош лес у Колобова. Разу не приезжал оттуда с пустой корзиной. Привязанность к этому лесу объясняется ещё и тем, что работа моя была связана с частыми поездками в те края. Знакомо всё там было, и деревни и их жители.

Но вот пришлось сменить место службы, и как-то само собой получилось, что вместе с этим сменилось и место моих грибных вылазок.

Началось же всё с того, что людская молва разнесла слух, дескать, из-за Михалёва с сосновых посадок опором прут, по полной корзинке набирают маслят. Я как раз в

отпуске был, и хоть в Михалёвском лесу и не бывал никогда, всё же раззадорился – да дай попробую, съезжу.

Найду так найду, а нет, значит, будем считать, что не повезло. Уж больно по масляткам соскучился, со школьных лет по-настоящему-то так больше и не доводилось их собирать.

С утречка да пораньше сел в автобус, что шёл рейсом на Катунки, у Михалёва слез. И вместе со мною слез молодой мужичок и тоже с корзиной. От большака в направлении леса идёт щебёночная хорошо укатанная дорога, с обеих сторон берёзками обсаженная. Это дорога в воинскую часть. А слева тропка, вот она в лес ведёт.

Я пропустил мужичка вперёд, не наперегонки же бежать. Он оглянулся, спрашивает: «За маслятками, что ли?» «Есть такое намерение, да не знаю, что получится.» «Получится. Я вчера вот эту корзинку за полтора часа нарезал. Сегодня молоденькие выросли.» «Что ж, ладно, коли так.»

Так и пошли мы вместе, так и до сосновой посадки дошли. Повезло мне, можно сказать. Один-то я бы, пожалуй, её и не нашёл.

Междурядья в посадке не так давно были выкошены, должно быть, деревенскими мужиками на сено для коров, поэтому трава высокой вырасти ещё не успела, и была как раз такой, чтобы масляткам тут привольно было расти.

Ну, что ж, пришли, распределились. Напарник идёт по одному рядку, я – по другому. Маслятки – дружные ребятки, и собирать их весело, душа радуется. Пять штук срезал, а впереди ещё четыре, да двух чуть не прозевал, позади остались. Нет, уж и вы давайте за компанию в корзину.

Часа через два корзины наши были полны, и мы вполне довольные возвращаемся домой, идём по большаку на автобусную остановку в Сицкое.

Я в самом начале своих рассказов делал такую оговорку, что не люблю в походах в лес никаких напарников, однако сегодняшний мой компаньон оказался человеком лёгким в общении, довольно остроумным и вовсе не докучливым.

Идёт, байки всякие травит, а в карих глазах то и дело озорные огоньки, будто бесенята прыгают. Долгое время я и звать-то его даже не знал как, спросить – вроде неудобно, и только лишь потом, через кого-то узнал, что зовут его Федя.

Федя имел несколько цыганистый вид, смугловат на лицо, носил тщательно подбритые усы-стрелочки, из-под фуражки высовывался упругий завиток тёмных волос, кое-где уж и седой волосок проглядывает.

За маслятами мы с ним на другой день ещё сходили на всякий случай, а то ведь они – сегодня хоть косою коси, а назавтра как будто их тут и не бывало.

А дальше само собою получалось так, что мы, вовсе и не договариваясь, оказывались в этом лесу вместе. Федя был настоящим грибником и везучим. Вот идём – я один гриб срежу, он два, я два – он три. Или же вернётся назад и на том месте, где только что я прошёл, срежет челяша. А вроде бы и под ноги-то не смотрит, идёт баланду травит, порет разную хренотень. Ни азарта особого, ни тем более жадности не проявляет. А корзина, глядишь – вот уж и полная.

«Ну что? Домой пойдём!»

«Ага! Ты-то набрал, а я?»

«Вот чудак! Тебе же и легче. Доберёшь, пока обратно пойдём. А мне тащи-ка вот теперь эдаку-то тягу!»

И верно – на обратном пути и я так-таки добыю, доберу корзину.

Идём по большаку к Сицкому, к остановке. Мимо машины туда-сюда шмыгают. Притормознёт около нас какой-нибудь «шеф», дверцу «Жигулёнка» приоткроет, окликнет Федю: «За бутылёк отдашь?» Продаст Федя грибы, корзину опорожнит, я – домой, а он снова в лес за Михалёво. «До вечера-то ещё долго, нашвыряю чего-нибудь...»

На другое лето я уж не встречал Федю в Михалёвском лесу. Должно быть, отпуск взял в другое время. Но эти места я так и окрестил про себя – Федин лес. Теперь я освоил их довольно основательно, чувствовал себя уверенно и свободно.

Чтобы не связывать себя автобусом, я наладил ездить сюда на велосипеде. В сухую погоду по лесной дороге получалось почти что напрямик, однако после дождей проехать по ней было весьма затруднительно, и приходилось добираться по шоссе, этот путь подлинней, конечно, зато по асфальту. Та что по времени и получалось почти одинаково.

Лес за Михалёвом огромными стежками прошивала нить-линия высоковольтной передачи. Справа и слева от неё было свободное от леса пространство, метров на пятнадцать в ту и другую сторону. Эта на многие километры тянущаяся полоса заросла бурьяном-травой, доходившей аж до пояса, а где даже и выше. Буйные, побуревшие к августу дебри.

Доехав на велосипеде до высоковольтки, я бросал его в траву около какой-нибудь опоры, немного прикрывал для маскировки этой же травой, и теперь мог совершенно свободно ходить по лесу хоть весь день. На тропе, что шла по кромке леса параллельно электролинии, клал какой-нибудь сучёк, сухую валежину как раз напротив того места, где спрятал велосипед, а то потом и сам не найдёшь.

И – вперёд! Вперёд и с песней! Обследовав одно, другое место быстро соображаешь, чего сегодня можно ожидать, каких подарков, и ежели убеждаешься, что бесполезно нынче тратить время на поиски белых и красноголовых грибов, ну, что делать – приходится мириться с этим. Тогда берёшь палочку и начинаешь швырять, ковырять мусор под старыми ёлками. Ага, так и есть – вот где они попрятались молоденькие, крепенькие грузочки. Сопливые, скользкие и из руки-то всё норовят выскользнуть! Чёрный груздь – тоже гриб семейный. Уж если в одном месте нашёл выводок, то и в другом и в третьем найдёшь. Которые постарше – на улицу вылезли, а если рядом палочкой поворошить, то под опавшей хвоей ещё пяток, а то и десяток найдёшь зеленоватых, чуть в рыжину сопливых ребятишек.

В солонину и молочник замечательный гриб, и они, если один попался, значит где-то и ещё есть, хотя они и не так дружны, как грузди. И сыроежка ближе к осени пошла

– то, что надо, мясистая, крепкая, с зеленовато-серой шляпкой, края у шляпки внутрь подвёрнуты.

А то бывает волнушки-волжанки высыплют. Уж если они появились, успевай только режь да корзинку подставляй.

Челышок попадётся – и ему обрадуешься, они сейчас не то, что в июне-июле, крепенькие, ножка толстая, шляпка беретиком. И боровичка срежешь, если уж под руку

подвернётся.

Так что удача, она всякий раз по-разному оборачивается.

Но важней всего – это не пропустить второй самый обильный слой белых. Первый – севцы, колосовики – они по одному, да так – кое-где не дружно растут. А вот в августе пойдёт коренной, Успенский слой. Вот тут уж не зевай и сил не жалея

Ну, а как определить – подошло ли их время? Да очень просто – как только нашёл в одном месте сразу три или четыре крепыша, всё – значит, они сегодня тут, голубчики! И займётся сердце радостью! Все-то чапыжники облазишь, все заветные местечки проверишь, и уж не от росы, а от собственного пота промокнешь до нитки, до майки и трусов.

Поднабьёшь корзинку стогом, горкой – утрясутся по дороге, теперь велосипед можно идти искать. Приставишь велосипед к опоре высоковольтки, и крепко-накрепко пришпандориваешь корзину к багажнику верёвкой. Крест накрест перехлестнёшь да проверишь не слабо ли, не то, не дай бог, на какойнибудь колдобине покачнёт, так грибы все на дорогу и покатятся.

Домой приезжаю, отвязываю корзину у сарая, а соседи глаза растопырят, рты поразевают: «Это гдей-то ты эдаких-ту нагайбал?» «Где, где... В Караганде... Места надо знать!»

Устанешь, конечно... Это ведь не на автомобиле прошвырнуться туда-сюда с ветерком. Шутка в деле – километров пятнадцать педали крутить чтобы до места добраться. Но тут ладно – хотя бы пустой едешь. Потом по лесу рыскаешь часа четыре, а то и пять. А напоследок, когда и силёшек-то нет, эти же пятнадцать километров надо одолеть с тяжелой корзиной. Тут уж педали крутятся со скрипом.

Но говорят же – охота пуще неволи. На лавочке у подъезда из резиновых сапог вытряхнешь мусор – хвоинки, травинки, листочки жухлые. Носки снимешь –

мокрёхоньки. Из под рубахи, что можно, вытряхнешь, да не всё вылетит – к спине тоже прилипли хвоинки, да мусор всякий. Ополоснёшься под душиком, трусы, майку сменишь, полежишь немного. Ещё и ноги, и спина гудят, а уж не терпится грибы разобрать, что куда – вот это посушить, это на жарёху, которые помоложе, поменьше мариновать. А вот из этих красавчиков завтра знатный супчик сварганим.

Пока разбираешь, само собою вспоминается – какой гриб, где и как нашёл. Вот этот хитрюга принакрылся замшевым пластом земли и сидит там себе посиживает, приушипился. А этот дурачок на самую дорогу выскочил, да вроде бы уж сам и в корзинку-то хотел прыгнуть.

Вечером спать ляжешь, закроешь глаза, а они всё плывут, всё мерещатся – и пузатенькие крепыши в нахлобученных по уши шапках, и долговязые дылды в шляпах широкополых, и загорелые до черноты закоренки, крутятся беспорядочным роем в памяти, не дают уснуть...

За Ильдовом

Если подойдёт срок настоящему слою белых грибов, то они, как оголтелые прут из земли повсеместно, разве что только в огороде на грядках не растут. Идешь краем какого-нибудь захудалого овражка, или берегом

речки, и берёзок-то тут вроде не густо, а вот на тебе – то пяток, то десяток, а повезёт, так и два десятка разлюбезных беленьких грибков попадётся. Сколько радости, когда они нежданно-негаданно покажутся похвастать загорелую шляпкой в таком месте, где не то, что белых, а вообще никаких грибов отродясь не бывало.

Но одно дело найти десяток или два, и совсем другое – нарезать их целую корзину. Это уж надо не по краю овражка ходить, а ехать в верняковые места. Одно из таких мест – лесок за деревней Ильдово. Туда, в этот лесок, как только «сарафанное радио» разнесёт слух, что белые пошли, устремляется чуть ли не пол-Чкаловска. И я бывал там не единожды в такую пору. Вот где «золотая лихорадка»! Вот где Клондайк!

Однажды, когда весть о том, что из-за Ильдова белых опором прут, собрались и мы поехать туда на нашем музейском «Кубанце». Шофёр Витюшка собрал в поездку всю свою родню, потом заехали за моим братом, да двое музейских собрались, да мы с женой.

В общем набралась полная машина, и даже на каких-то сиденьях сидели по трое. Однако пока собирались да шишилились, время набежало, и выехали только в восемь часов, да даже не в девятом ли. Подъезжаем к Берькову, а там на лужайке у деревни машин самых различных марок штук десять, а может и больше, да ещё мотоциклов с пяток. Ого, не слабо!

Дело в том, что между Берьковым и Ильдовом овраг, через овраг хилый, с полусгнившим настилом мосток, а потом крутой глинистый подъём, вот все и оставляют транспорт личный, а у нашего Витюшки машина не своя, да и парень он рискованный, ему бы на самолёте, как Чкалов, летать, а не на машине ездить. Вторую ось включил, перекрестился – будь что будет – перемахнул и через мостик, и через овраг. Это чтобы на машине сразу к лесу

подъехать, а не пешком идти, потому как времени и без того много упущено.

Вот вываливаемся из «Кубанца», на часы глядим – девять. А из леса один за другим враскорячку выползают грибки с корзинками на загривках, и корзинки у них чуть не под ручку набиты одними белыми.

У меня чуть не слёзы из глаз от злости, обиды и зависти. Да и в самом деле – ну, кто же приезжает в лес в девять часов?

Однако делать нечего, если приехали, надо идти, не в машине же сидеть, что уж будет. Народец наш быстренько разбежался по лесу, кто куда. И я иду-бреду где по полянке, где меж берёз, а меня двое сзади обгоняют – глаза по площадке, задохнулись, торопятся. Трое навстречу идут и тоже чуть не бегом, гляди того лбом в берёзу треснутся. И справа чуть-чуть не перед носом путь пересекают двое и слева идут. В общем народу – на массовом гулянье столько не бывает.

О, Боже! Куда податься? Нервы так натянуты, что гляди того лопнут, как гитарные струны...

Однако хватает на каждого встречного-поперечного глаза пялить, надо и под ноги взглянуть. И только взглянул – ха! Беленький! Не ахти какой богатырь, да ладно, на первый случай сойдёт и такой. И вот мало-помалу улеглось внутри раздражение, и перестал я вовсе обращать внимание на мельтешащих перед глазами грибников, пошёл себе не торопясь и стал, и стал срезать грибок за грибком, пропущенные теми, кто бежал, сломя голову. А потом и вовсе попал на местечко, оставшееся в стороне, где не бывал никто, и сразу на небольшом пятачке полтора десятка рослых, правских грибов нащёлкал. Ещё чуть подальше подался – ложбинка, по краю её кочки, бугорки, и чуть не под каждым бугорком по грибку.

В очередной раз убедился я, уж если идёт слой – всех грибов в лесу никак не выбрать. И в тот день – ни один из тех, кто был с нами в этой поездке, не вернулся к машине с пустой корзиной. У кого побольше, у кого поменьше, но всех одарил, всех порадовал Ильдовский лес.

И ещё раз убедился в непреложности правила – лес воздаёт каждому по усердию его. Те, кто не поленился встать пораньше, да в лес чуть не затемно прийти, тот и вышел из него с полными корзинами.

А вообще, пока идёт белый гриб, с темна и до темна бродят грибники по лесу за Ильдовом. Как-то нам с Витюшкой в будний день после работы вздумалось туда съездить. Вечера летом длинные, а народу к этому времени поди что ни души. Ага, как бы не так! До самого темна будто призраки, будто бестелесные тени ушедших в мир иной, всё маячат и маячат силуэты грибников меж елей и берёз во всё более и более сгущающихся сумерках. И чего-то да находят. И мы тогда – чего-то да нашли...

И всё-таки большею частью и в этот лес ходил и ездил я один. Когда один – сам себе хозяин, ничто тебя не связывает, не стесняет. По-разному добирался, пробовал и так – до Сицкого на автобусе, а там пешком.

Далековато, однако. От Сицкого до Ильдова километров семь, да по лесу сколько намотаешь. Потом с полной корзиной надо обратно идти до Сицкого эти семь километров, да на остановке автобус ждать, томиться...

Нет, не нравился мне такой способ, и так же, как за Михалёво, наладил я туда ездить на велосипеде. Велосипед прятал в том самом овраге между Берьковом и Ильдовом.

Травища в нём к осени вырастала, что твои джунгли. Иной раз так спрячешь, что и сам-то не найдёшь.

Ну ладно – закидал велосипед травой, ноги в руки – и айда-пошёл. Лес этот мне нравился ещё и тем, что в нём трудно было заплутать. Его крестом пересекают две электролинии, одна идёт в Харёнки, другая в Гари.

Вдоль обеих линий дороги, одна – в Харёнки – проезжая, другая – в Гари – просто наторённая тропа. Перекрестие линий и дорог служит хорошим ориентиром. Просека на Гари заросла островками молодой поросли, и тут любят потусоваться и красновички и беленькие. Идёшь не торопясь, грибная белая лихорадка прошла,

народ свалил. А гриб в лесу всё равно есть, только теперь его надо суметь найти, и одних белых полную корзину теперь уж не наберёшь. Ну, что же – сыроежка пошла, чистая, крепкая. Чем не гриб?

И всякий раз встретишь в лесу что-то удивительное, не виданное ранее, если идёшь никуда не торопясь. Много всяких страшных рассказов пришлось слышать про бледную поганку, а вот увидеть довелось только один раз, в этом лесу за Ильдовом. Может, раньше внимания просто не обращал, на глаза не попадалась. А тут смотри – около небольшой кучи валежника стоит невзрачная парочка, шляпки колокольчиком, то ли голубоватые, то ли зеленоватые, а ножки не прямо из земли растут, а из белого мешочка, и, в мешочке эти ножки бульбочкой. К тому времени я уж в книжках на картинках выведал такие грибочки. Так вот вы какие, голубушки! И сколько же смертельно-ядовитой силы затаилось в такой хилой дрожалке!

Глядеть-то на неё не хочется, и каждый год, как летний сезон, так в газетах пишут, что кто-то да отравился этой поганью, кто-то да соблазнился, не побрезговал её срезать да в корзину положить.

Я дал зарок в этих записках не помещать ничего вычитанного из книжек, и всё-таки поделюсь одним из почерпнутых в литературе сведений. Уж больно любопытный случай.

А случай такой – ещё в первом веке от рождества Христова одна женщина, звали её Агриппина, отравила таким вот грибом, подмешав его в обеденное блюдо к знаменитым цезарским грибам, своего мужа императора Клавдия. Угостила, что называется, муженька. Нерон, более известный в истории, чем Клавдий, был сыном этой женщины.

В лесу за Ильдовом встретился мне и ещё один удивительный гриб – чесночник. Махонький, величиною с обойный гвоздик, какими обивали раньше коленкором мебель, входные двери. Растёт один меж пальцев – и верно, пахнет чесноком...

А чешуйчатки, грибы-ёжики? Они тоже мне там попались...

И рогатиков на пнях сколько раз видел. Но постоишь, удивишься – на какие причуды только не ухитрится матушка-природа, да и дальше пойдёшь. Возвращаясь к тому, с чего начал эти записки, ещё раз хочется отметить, что самое замечательное в грибной охоте, как, наверное, и в любой другой, это момент неожиданности, неожиданной-негаданной удачи. Несколько лет подряд мы с женой ездили за опятами на свои «верные» места. И ничего неожиданного тут не было – приехал, нарезал, поехал домой.

А вот там, за Ильдовом, совсем случайно, просто попал так, наткнулся на невероятное, невиданное никогда прежде обилие опят. На старой порубке они так густо облепили чуть ли не каждый пень, что уж и самого пня-то из-за них не видать, и они превратились в какие-то фантастические клумбы. И рядом с порубкой, в лесу уже, их было видимо-невидимо – и на земле, и на прелых валежниках, и даже на стволах здоровых на вид берёз. Некоторые забрались так высоко, что даже и не достать. А грибы-то – в самой лучшей кондиции, свежие, крупные, мясистые. Гроздь за гроздью срезал я их, объятый какой-то нервной внутренней дрожью. Эх, взять бы да сосчитать хоть для интереса сколько же их штук в одном таком букете. Наверное, и до полсотни бы насчитал. Да куда там, до счёту ли? И часу, должно быть, не затратил я, чтобы нарезать полную корзинку этих дружных ребят, и только

после этого успокоилась душенька... Ах, жадность, жадность человеческая!...

И после этого не раз и не два приходилось ездить за опятами, но ничего подобного не видел больше никогда. Это было что-то невообразимо фантастическое!...

Пролетит красное летечко, будто колесо с горы скатится! Вот уж и листочки на берёзках стали жёлтенькими, на осинках – красненькими. А хватит их ночью морозцем, и закружится в лесу разноцветная метель.

В такие дни нередко сиживал я где-нибудь на берегу речки с этюдником, стараясь перенести на холстик «в багрец и золото одетые леса». А листочки всё кружатся, кружатся. Падают на землю, иные прямо возле моих ног. Вот один из них летел, летел да будто бабочка-лимонница и опустился прямо на мою палитру, прямо в краски, как бы желая сказать: «А ну-ка вот попробуй подбери такой чистый, такой яркий цвет! Слабоват будешь!

Да, верно, верно... Слабоват...

Я откладываю кисти, иду размять затёкшие ноги. Бреду по берегу тропкой, засыпанной золотистой листвой, и вдруг... Оно всегда вот так бывает – вдруг, неожиданно, от неожиданности даже сердце подпрыгнет – само собою попадётся на глаза, как в зелёной, несмотря на глубокую осень, травке около

комля берёзы в узловатых её корнях стоит руки в боки такой ли закоренок, такой ли кряж – ну, прямо Микула Селянинович! Обрадуешься – силы нет как!

Осенние белые грибы – они растут до самых морозов, и лучше, крепче их не бывает. Тяжёлые, будто из чугуна отлиты, с чёрно-коричневой, словно бы слегка подгорелой, шляпкой. И ни в одном грибе ни единой червотчины.

Выкрутишь его бережно, остороженько. Ножик-складешок из кармана достанешь, и больно-то и чистить его нечего, а так – самый низ ножки от земли поскоблить.

И вот уж, охваченный азартом, забудешь и про этюдник, и про холст. Рыскаешь, смотришь тут, смотришь там, а они, голубчики вон где – у самой-то воды в травке-осочке припухают. Ах вы, такие-сякие! Я вот вас!

Штук пять, а иной раз и с десяток насшибаешь таких ли раскрасавцев, таких ли силачей, что каждый двух-трёх летних переборет. И это последние грибы, и это последняя радость! ...

Хотелось мне сначала заключить эти заметки какой-нибудь эдакой умной фразой, будто бы в хорошую дорогую рамку всё сказанное вставить. Хотелось, да расхотелось. Пусть будет без рамки. К чему пустословить да мудрствовать? Лучше поклониться мысленно нашему лесу да сказать спасибо за ту радость, что бескорыстно и щедро дарил в течении многих, многих лет... Вот и всё.

Сейчас больные ноги не позволяют не то, что, как прежде, целыми днями как лыска шастать по лесу, забравшись куда-то километров за пятнадцать-двадцать, а даже и рядышком, недалеко, по опушечке походить затруднительно.

Но – удивительное дело! Теперь не я ищу грибы, а грибы сами находят меня. В прошлом году в нашем общественном саду на старых и умерших деревьях я нашёл столько опят, что их хватило чтобы замариновать аж восемь шестисотграммовых банок!...

Лосиный остров

Местечко это мне известно давно. И давно хотелось найти, выбрать время, чтобы неторопясь нарисовать горделиво, царственно возвышающиеся над всеми прочими деревьями золотистые сосны с причудливо изогнутыми сучьями-ветвями. Или же написать красками хотя бы небольшой этюд могучей старой ели с далеко раскинутыми, широкими рукавами ветвей, едва ли не достигающими длинными ниспадающими прядями аж до самой земли.

Но местечко это, этот симпатичный уголок леса, находится совсем недалеко, чуть ли не в самом его начале, и когда появлялась возможность выбраться на этюды, манили к себе другие, более картинные мотивы, с луговым раздольем да с речным привольем. А в грибную пору намерение и стремление отправиться за грибным трофеем куда-то подальше уж и тем более было

резонным. Ведь каждый грибник считает так, уйдёшь подальше – грибов найдёшь побольше.

Однако с годами дальние дали хоть вроде бы всё так же по-прежнему манили к себе, да вот беда – ноги стали плоховато ходить, и чем ни дальше, тем хуже. Стало трудно, а потом и совсем невозможно добраться до тех издавна знакомых, любезных сердцу мест, хоть грибных, хоть картинно-ландшафтных.

А охота в лесок-то побывать! Смерть, как охота! Особенное беспокойство охватывает душу в ту пору, когда после долгой зимы подвоят, нахлынут, поплывут волна за волною, будто дурманом затуманят голову пьянящие, всё нутро будоражащие ветры. Эх, хоть бы куда недалечко, на опушечку сходить, хоть бы по тому вот краешку, где те самые давно примеченные мною сосны да ели стоят, побродить, духом лесным скипидарным подышать, птичьего звону-перезвону послушать!

И вот , когда становится совсем немого, говорю жене: «Слушай, надо бы съездить почек сосновых набрать. Прозеваешь, перерастут – это уж не почки!...»

До леса, чтоб ноги зря не трудить, добираюсь на велосипеде. На опушке слезаю, торопиться теперь некуда.

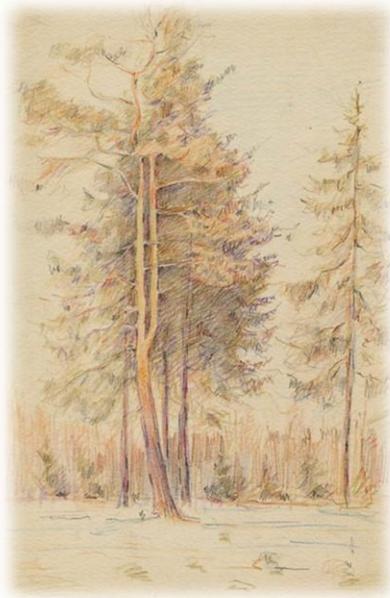
Лесная дорожка сама вперёд ведёт да манит. Справа от неё густая молодая поросль, пушистые, нарядные сосенки, в яркой, отливающей в синеву, зелени вперемежку с такими же молодыми, голенастыми берёзками. Вот тут я и наберу сосновых почек, много их тут, не убудет, да мне много-то и не надо. Руки от пахучей смолки вскоре становятся будто клеем вымазаны, да и в целлофановом пакете почки склеились в один большой ком. Ладно, хватит, пожалуй.... Жадничать не надо. А солнышко-то, солнышко что вытворяет. Сколько жёлтых, золотистых пятен на свежей травке у дороги, да и на самой дороге! Каким лаковым гляncем ослепительно до

рези в глазах блестят молодые клейкие ещё листочки на юных берёзках. Как радуется теплу и свету каждое деревце, каждая веточка, листочек и хвоинка! Будто единым хором вместе с пташками Божьими поют радостно: «Дождались, дождались тепла! То-то славно, то-то благодать!»

И эта благодать невольно переливается и в человеческую душу, и в теле, в каждой его жилочке звенит, поёт безотчётная радость-песня! А воздух – он настолько свеж, чист и целителен, что кажется, если приходить сюда каждый день и дышать этим молодым воздухом, то и сам станешь совсем-совсем молодым, и душа, как ёлки, как сосны, выбросит юные нежно зелёные мягкие на ощупь приростки-побеги, и жизнь будет опять молодой и радостной!

Но вот дорога из плена леса вынырнула на простор, на широкую и далеко уходящую к горизонту поляну, а лес, что стеною стоял справа, сразу отступил от дороги и довольно далеко, метров на сто, а может и больше. И сразу – как будто огромный голубой парашют мгновенно раскрылся над головой лучезарный купол высокого, в мелких кудрявых облачках неба. И сразу – сколько света, сколько простора, сколько воздуха! И вон он там, полосой вытянулся по левому краю поляны заветный мой заповедный уголок. Впереди островка как предводитель, или как маяк, самая высокая, самая заметная, да, пожалуй, и самая красивая изо всех, что тут есть, сосна. И я спешу туда, напрямки поперёк поляны иду к ней навстречу. И здороваюсь с ней, глажу её серо-лиловый ствол, глажу шершавую кору с глубокими рытвинами морщин. Закидываю голову вверх – о! как ледяные зимние ветра изуродовали её ветви-руки. Все-то они будто ревматизмом изломаны искорёжены самым немислимым образом. Сколько раз ураганы, шквалистые ветра даже и

напрочь обламывали ей самые-то красивые, но и самые тяжёлые нижние ветви. Ещё бы, все наиболее тяжёлые

удары ветров и бурь обрушиваются прежде всего на неё – она впереди. И тем более к ней уважение, всё терпит, не засохла, не захирела, а стоит, красуется, будто царица в короне великолепной, солнцем пронизанной хвои. Обхожу её кругом, люблюсь

причудливым переплетением ветвей. А вот одна из верхних веток, когда вершине дерева на ветродуе должно быть особенно худо, собралась с силами да и пошла, пошла в рост, изогнулась и вверх- к солнцу, к небу. Так вот и получилось у сосны две вершины, одна как бы на подстраховку, прозапас.

Однако надо сходить и моим давнишним подругам, к трём старым, но дородным, в полной могучей силе елям. Вот иду к ним и чувствую, всем существом своим чувствую как они мне рады, обнять бы готовы, да с места-то им трудновато сойти. И я им несказанно рад! Ещё бы – ведь они мне будто тётки родные, да и не виделись так давно. Одна из них такая ли толстуха, что ствол и вдвоём не обнять ни за что. А корни тоже мощные, будто брёвна, зарылись, глубоко ушли в землю. Между корнями в ложбинке насыпалось много отмершей коричневой хвои. Её, хвои, тут так много, что лесные работнички невдалеке

от ствола соорудили аж сразу два огромных муравейника. И как они не смешаются, возвращаясь с поклажей, где чей дом? И слава Богу, что никто не разорил их жилища, ни кто не позарился – ведь сад-то рядом.

И ёлку погладил я по серой шершавой коре, прислонился к ней щекою. И послышалось, будто вздохнула старая, и прозрачная светлая растроганной радости слеза сама собою покатилаь по стволу и у ёлки

старушки да и у меня вроде уж навернулась, затуманила взгляд. Разве можно в такую минуту торопиться? В ложбину между мощных еловых корней уселся я как в кресло, опавшая хвоя, чуть скрипнув, пружинисто осела подо мною. Спиную как можно плотнее прижался к стволу, и тут же по позвоночнику потекла живительная благодать, и тут же по каким-то невидимым канальчикам эта благодать потекла к ногам, к рукам, к голове. Ель будто переливала в меня свои жизненные соки, свою

доброту и мудрость. Ах, как хорошо! Ах, как чудесно! Вот так всё бы и сидел в бездумном счастливом полусне!

Но надо навестить и других давным давно знакомых своих тётушек. Шагах в десяти от могучей ели стоит красуется тоже очень высокая и в хорошем возрасте сосна. С одной стороны ствол у неё чуть не до половины голый, и по нему там, где уже кожа золотая, аж целых

три дупла. Когда-то тут были ветки, когда-то их обломило ветром и стало дерево преть в этом месте от сырости, а в прелой мякоти жучки-козявки поселились. Да прилетел лесной донор дятел, вычистил больное место, выгнал козявок. Получилось дуплышко. Дуплышко приглянулось белочке. Поработала она зубками да лапками, и получился у ней преотличный домик.

Может быть, вы не верите, что именно так и было? Так я вам расскажу историю.

Как-то совсем уже поздней осенью, когда заканчивались все садово-огородные дела, пошли мы с женой просто так прогуляться по лесным дорожкам. Начало ноября, наверное, уже было, и морозцы по ночам не стеснялись, навевались. Идём тропкой-дорожкой, а под ногой ледок в замёрзших лужицах будто стекляшки похрустывает. И траву белоус непричёсанными космами приникшую к земле, присыпало мелкою белой крупкой изморози. А вот у самой дорожки трава до сих пор свежа и зелена, да ещё как зелена-то – аж иссиня зелена!

Не торопясь, нога из-за ноги дошли мы до заветного местечка. Подошёл я к той самой сосне, на которой три дупла интригующе расположились строго одно над другим. Говорю жене: «Вот смотри – сейчас из этого дуплышка выпрыгнет белочка!»

Просто так сказал, шутки ради, как фотографы говорят детям – смотри, мальчик, сейчас отсюда вылетит птичка!

Взял я из-под ног палку, легонько стукнул по стволу, потом ещё раз, и вот свершилось чудо – из среднего дуплышка показалась белочка, быстро-быстро протёрла лапками заспанные глазки, увидела нас и сразу же по стволу сиганула вверх, в спасительную гущу плотной хвои, и оттуда уже, свесив пушистый хвост, в недоумении и с явным неудовольствием глядела на нас чёрненькими

бусинками. « И что за дурачьё случилось? И чего им тут понадобилось?» Ведь так сладко спалось...

Ну, ладно, прости, подружка! Это была всего лишь неуместная шутка... Откуда же нам было знать, что ты и в самом деле там квартируешь!...

И побрели мы дальше. В поникшей траве нет-нет да тёмную шляпку подмёрзшего карнака разглядим.

Карнаками грибники обычно брезгуют, а ведь это замечательный гриб, по науке «польский»

называется. А воздух в лесу поздней осенью какой-то особенный, студёный и чистый, и вприкуску к этой прохладе подаётся ещё и порция щемящей душу грусти. Увядает, или увяло уже всё, как будто больной монах-чернец приугодился к последней исповеди и причастию. Хоть и глаза светлы, и душе светло, но свет этот, как свет серых небес над головой.

Нет, что ни говори, а летом в лесу веселее, вольготнее. Вот вспомнилось как в разгар лета отпросился я у жены в лесок: « Слушай, иван-чая надо бы съездить набрать. Цветёт во всю мочь! А отцветёт – уж это не иван-чай.»

Иван-чая я в этот раз набрал возле изгороди одного из общественных садов. О! Там его целые заросли! Как чудесен этот бледно карминный цвет. А пахнет-то как сладко, медком! И пчёлки всё перелетают с одного стебля

на другой – ищут метёлку, где медок послаще! Трудятся! Ничего, ни я пчёлкам не мешаю, ни они мне.

Набрав в сумку достаточное количество целебного сырья, направился я... Ну, и куда бы вы думали? Конечно же, к родным тёткам своим, к заветным елям и соснам. Вот она, поляна, просторно и вольно раскинувшаяся до горизонта, до синей полосы дальнего леска. А день-то что ни на есть летний, и зелень светлая, яркая! Берёзки так и полыхают зелёным полымем! А ёлки, сосны уж ждут меня, зовут меня к себе. Ничего подождут немного.

Приставил я свой велосипед к первой попавшейся ёлке и, вернувшись на поляну, лёг на спину, на мягкую и невысокую пока ещё траву, раскидал руки и ноги в стороны. Ах, какое же это блаженство – лежать, закинув

руки за голову и глядеть в бездонную синь огромного-преогромного неба, следить за медленным передвижением и изменениями очертаний больших осиянных солнцем облаков! Беспреданно то округляются, то тают их края, оторвётся белый клочок и вот уж нет его – исчез, растаял... И будто уж не небо над тобой, а ты летишь, паришь над небом...

И лес, если глядеть на него из такого вот положения, лёжа на спине, совсем представляется другим. Отмечаешь какие-то особенности и детали, каких раньше не видел.

И вот, прогнувшись немного в спине и запрокинув голову, взглянул я на тот самый лесок, на отскочивший от основного массива остров. Взглянул да так и ахнул. Ах, ты, мать честная! Да как же я раньше-то этого не заметил? Так ведь это же Лосиный остров, «Лосиный остров в

Сокольниках» Алексея Кондратьевича Саврасова! Ну, надо же! И болотистый кочкарник вон там – слева, и какая-то большая бочажина, заполненная водой, и худосочные берёзки, будто голенастые девчонки бегут туда к лесу, да и сам контур этого массива большим кораблём с высокою, «заглавною» сосной на левом фланге.

В общем, Лосиный остров!

В довершении впечатления точно так же, как на картине Саврасова, с северной стороны среди такого-то вот ясного дня показалась полоска подозрительно лилового цвета. Поляна ещё блещет под солнцем ярью зелени, а лиловитая полоска быстро разрасталась в серенькую, но ничего хорошего не сулящую тучу. И вот уж заволокло всё небо, и дождичек сначала для пробы вроде бы покряпал только немножко, а потом как припустил - навесной, спорый, плотный. Едва-то едва успел я добежать до своей ёлки-толстухи. Ёлка высоченная, ветки у ней густущие протянулись во все стороны метров на десять и кистями только что до земли не касаются. Ёлка добродушно ворчит: «Что же сразу-то ко мне не зашёл? Это вот тебе наперёд наука! Чтобы не зазнавался, не забывал старую бабку! Ничего, не бойсь! Вон у меня салопчик-то какой гожей. Давай-ко вот залезай под подол-от, ни капельки ни единой на тебя не упадёт.»

И сел я в ложбину меж её могучих корней, впрямь будто к бабушке на колени. И вновь так тепло, так хорошо стало каждому-то суставчику моего далеко немолодого уж тела, и сидел я от нахлынувшего безотчётного счастья улыбаясь блаженно как малое неразумное дитя.

Дождь не торопясь шуршал где-то вверху и по сторонам, в просвете видно было, как он занавесил даль сиреневую с вплетением серебряных ниток занавеской, а я знай себе сидел, тоже, как дождь, никуда не торопясь.

Но всё когда-то кончается, кончился и дождь. Когда я вернулся домой совершенно сухой, жена подозрительно спросила: «Так где же ты был?» «Как где? В лесу!» «Там что же, там дождя-то не было что ли?» « Да нет. Какой дождь? Ни дождинки даже!»

Тряпичные тапочки и носки, возвращаясь домой по сырой траве я всё ж таки тогда промочил. Но это уж не велики издержки.

На выходе из леса сел на пенёк, накрепко выжал носки, напялил тапочки да и порулил домой.

Дома, разыскав в книжках репродукцию с картины Саврасова, я не обнаружил такой уж вот полной идентичности с «моим» Лосиным островом так, чтобы уж вот один к одному. У Саврасова лес представляет из себя единый монолит, он как полчище воинов ратников, плотно сомкнутых в несокрушимые ряды, медленно, но верно движется на смертный бой с ненавистным ворогом. Стволы сосен даже как бы наклонились немного вперёд по ходу движения, и нет этой рати, шествующей от самого горизонта, ни конца, ни краю. Впечатление суровой мощи усиливает и тёмная грозная туча из-за горизонта надвинувшаяся и имеющая неременное намерение следовать за этой ратью.

Мой Лосиный остров всё же не таков. Сосны, ели, берёзы вовсе тут не сомкнуты в ряды, а наоборот, стоят как будто бы по команде «вольно», кому как нравится. Стоят вольготно и непринуждённо, на расстоянии достаточном для того, чтобы обойти вокруг каждого дерева и рассмотреть его со всех сторон, будто скульптуру в зале музея. Они как будто бы специально расставлены так неким умелым режиссёром-постановщиком для исполнения какого-то спектакля, да и застыли в немой позе. Да нет, вот только уж не в немой! Берёзки, осинки шелестят, трепещут мерцающей на солнце листвой, сосны

поскрипывают, побрякивают, трутся кривыми сучьями друг о друга. И ели о чём-то пытаются мне рассказать, размахивая широкими рукавами до земли свисающих ветвей.

У каждого дерева свой характер и, как в спектакле, своя роль и предназначение, кому какое уготовал

режиссёр. А иногда покажется, что пришёл сюда, будто в родную деревню заявился и ходишь от дерева к дереву, как от избы к избе. Тут вот тётка Авдотья живёт, там тётка Наталья, а там Вера Васильевна. Ходишь да кланяешься: «Здорово живём, Антонида Ивановна!» «Добро жаловать, осподин хорошей!» И все-то рады встрече с тобой, и ты рад безмерно! Ещё бы, сколько времени не видались! А ведь родное всё, с детства до боли родное! А под ногами-то – а, батюшки! – сколько молодняка! Едва-то едва вылезшие из земли сосенки, ёлочки, слабенькие – наступишь ненароком и погибло

деревце. А рябинника сколько, березняка. Точь-в-точь будто бесштаные внучата этих дородных бабушек по деревенским проулкам-закоулкам бегают, в догонялки играют.

Нет, нет – лес он всегда живой, только жизнь у него своя, с нашей и сравнивать нельзя, и понять нам эту жизнь до конца невозможно.

А летечко красное колесом катится, вот уж и август и самая что ни на есть грибная пора подвалила. Сижу с палочкой клюкой на лавочке во дворе, а люди идут мимо, опором прут из леса то маслят, то красноголовиков, а если слой подойдёт, так и крепышей боровичков, беленьких грибочков. Эх, хоть бы понюхать только, как они, грибы-то пахнут! Хоть бы парочку беленьких сыскать!

И вот в конце лета в августе придумал я причину : «Лето проходит, прошло уж почти, а Максик ни разу даже в лесу не бывал. Надо же хоть раз ему устроить праздник!» Максик это наш пёсик, он хоть и маленький, но уж старенький. Однако, когда каким-то своим чутьём понял, что мы собираемся в лес и его берём с собой, радости его не было предела. Он с визгом взлаивал, подпрыгивал и торопил нас, пока мы подкачивали обмякшие шины велосипедов. Всю дорогу он забегал вперёд, возвращался к нам, глядя на нас вожаденно готовыми выкатиться от счастья глазами.

И уж совсем ошалел наш Максик в лесу. Нырнёт в кусты, пропадёт – где Максик? Свистнешь – и вот он уж с заложёнными чуть не за спину ушами, язык аж на плече, мчит опрометью навстречу, жарко дышит в лицо. Сколько для него здесь совершенно незнакомых и непонятных нам запахов. Сколько всяких радостей и диковин, то норку лапками рыть примется, то какую-нибудь травку грызёт. Что ж – ведь это его стихия, ведь он – охотник...

По дороге попадались нам распаренные уставшие женщины, приспущенные халаты подвязаны рукавами вокруг спины, чтобы не застудить потную поясницу. Корзины хоть и не большие, но почти полные путных грибов – красновички, чельшики, а то и беленький высунул голову.

И вот дошли мы до Лосинового острова. Надежда найти там что либо, если и была, то совсем-совсем малюсенькая. Жена побродила меж ёлок-берёз, ничегошеньки не нашла. Села на пенёк угостить Максика бутербродиками с сыром да колбаской.

Я же бродил по краешку возле самой первой сосны с изувеченными ветвями-руками. И вот прямо под ноги будто сам собою выкатился замечательный крепыш с тёмно-коричневою головой. А вверху в кроне сосны скрипнуло: «На-ко, сердешной, гостинчик!» Золотистые чешуйки наверху ствола, они будто из листочков сусального золота, и весь ствол ими обклеен, прошелестели под ветерком: «Гляди, гляди получше, тут и ещё сыщешь!»

И верно, шагах в трёх ещё один пузатенький да беленький, будто на токарном станке только что выточенный. С благодарностью поглядел я на увенчанную густой шапкой хвои вершину сосны: «Премного благодарны, тётушка!» «Да на здоровьичко! Храни тебя Господь, родимый!»

Заметив, что что-то я нашёл, что-то срезал, юрко обогнали, забежали вперёд муж с женой с корзинками, заглядывают под молодые ёлки. А я направился к другой

тётушке, к ёлке-толстухе. И на вот тебе – опять будто яичко сам по себе под ноги выкатился ненаглядный крепышок. Смотрю на ёлку, а она хитро по-старушечьи моргнула мне, да рукавом широким чуть заметно взмахнула. «Спасибо, бабушка!» Ёлка вздохнула только: «Ладно уж, чего там!» Удивительное дело! Ведь за день по этому месту прошли сотни грибников.

А поляна, вот только сейчас заметил, пестрела скромными луговыми и лесными цветами: тут и белые корзиночки тысячелистника, жёлтые пятнышки козлотородника и яснотки, нежно сиреневые пуговицы короставника.

Пока до конца Лосиного острова дошли, Максик уж бегал не так резво, а когда возвращались домой и совсем подустал. Дома он сразу же забрался за диван и шлёпнулся пластом на прохладный пол. Старенький стал наш Максик! А из тех трёх грибов всё же знатный супец получился.

В самом конце августа в один из его погожих дней попросил я своего приятеля, художника и фотографа съездить со мною в это уникальное местечко и запечатлеть наиболее примечательные его уголки. И вот теперь, когда за окном двадцать градусов ниже нуля, я могу зарядить компактдиск в свой ноутбук и во всех деталях припомнить и проследить тот замечательный, чудесный день.

Товарищу моему сразу же понравилось придуманное мной название местечка, сразу же понравились и его обитатели – сосны, ели, юные рябины, молодая поросль-подсед. И всё-то всё зафиксировал он во всех подробностях – и сосну с невероятным образом изуродованными ветвями, и дородную толстуху, бабушку-ель с насквозь пронизанными солнцем, до земли

опущенными прядями ветвей. А возле неё два огромных муравейника, едва ли не метровой высоты.

Вот так не торопясь и прошли мы весь Лосиный остров до другого его края, откуда опять открывалась просторная поляна окружённая со всех сторон кольцом лесов, чем дальше уходящих к горизонту, тем всё синей и прозрачней мерцающих в глазах. Мой приятель переходил с фотоаппаратом от дерева к дереву, выискивая всё новые и новые ракурсы, чтобы лучше выявить и поймать индивидуальные особенности и здесь, и на этом краю по-своему замечательных, царственно красивых сосен.

Я же по обыкновению сидел в уютной ямке между корней одной из сосен прижавшись спиной к её стволу, любовался великолепным кружевом, сотканным солнышком из пронизанных его же лучами тысяч и тысяч хвоинок сосновой ветки, расположенной как раз напротив золотого солнечного шара, висевшего уже довольно низко... Сидел и сладко дремотно наслаждался последним ласковым теплом уходящего лета...

Я не думал и не предполагал, что в этом году ещё раз придётся навестить Лосиный остров. Октябрь уж наступил, и вот иду я по своей улице по каким-то делам, а скорей всего и вовсе без всяких дел, а так прогуляться, иду с клюкою и еле-то ноги передвигаю, а навстречу знакомая учительница из соседнего дома. «Что же Вы ноги-то свои не полечите?» «Да уж чем только не лечил, всё без толку...» «А Вы в лес сходите, мухоморов наберите, их там сейчас полно. Вот мелко крошите шляпки мухоморов в бутылку из тёмного стекла, залейте водкой, плотно закупорьте и в землю заройте. Через месяц достанете, и вот у Вас будет хорошее натирание для ног. Многие пробовали, говорят помогает...»

Долго не раздумывая, чуть ли не на другой день отправился я в лес. Куда пошёл? Ясно куда, на Лосиный остров. Да и не пошёл, а опять таки на велосипеде поехал. По дороге в самом лесу ну не единого-то мухомора не встретил, а там – хоть косою коси. Как будто специально для меня кто и припас. Чай, поди, опять бабушка-ёлка с тётушкой сосной позаботились. Мухоморы – не мухоморы, а гренадёры, красавцы писанные, все как на подбор. И главное никто их не нарушил, не спиннул ногой. Такое нередко бывает у незадачливых грибников, хорошего ничего не найдут, вот на мухоморах зло и вымещают. Нарезал я красных шляпок нужное количество, лишнего не брал, не жадничал. Ведь говорят мухоморами лоси лечатся, когда заболеют. А остров-то, как ни говори – Лосиный.

Поклонился ёлкам – соснам: «Прощевайте, родные! Авось на будущий год, Бог даст, свидимся!» « Не хворай, поправляйся, болезной!» Дома, как говорила учительница, так всё в точности я и сделал. Перед самыми морозами достал бутылку из земли. Теперь вот снадобьем ногу натираю. Будет ли толк – не знаю. А хочется, чтобы был...

Встреча

Сергей Иванович вышел из дому затемно. Неторопливо швыряя старенькими, добела истёртыми за долгую службу лыжами, он направился по краю опушки к просеке, по которой шла высоковольтная линия. Давно уж он не бывал в лесу и вот надумал-таки промять старые кости – может, не доведётся ли какого шального зайчишку шугнуть. На всякий случай Сергей Иванович взял несколько патронов и с крупной дробью – чем чёрт не шутит!

Просека была широка, просторна. Мимо высоковольтных опор шла умятая гусеницами дорога, по ней трактором подвозили к дальней ферме сено. Сергей Иванович изредка сворачивал с дороги, чтобы осмотреть по пути полянку, редкий подрост, мелколесье.

Утро с лёгким морозцем, с облачками, розовеющими от вот-вот готового выкатиться солнца, бодрило стариковскую кровь. Сколько их, весенних и летних зорь, зимних и осенних рассветов доводилось встречать Сергею Ивановичу за жизнь – в лесу, в поле, на реке – и всякий раз восход солнца был хорош по-своему, всегда этот мимолётный сказочный час волновал, приводил в восторг всё его естество. Молодым и счастливым чувствовал он

себя в эти минуты, и дышалось ему легко, и жить хотелось долго.

Старый охотник пробирался к особо любимой им заветной поляне, она кругом была обставлена могучими елями и соснами, рослыми берёзами, а посередине поляны там и тут поднимался молодой еловый подрост попеременно с березняком. Здесь, в замшелых корнях елей в предосеннюю пору находил Сергей Иванович такие грибные гнёзда, что, не сходя с места, срезал по полтора, по два десятка белых. Зимой же в молодом подросте любили пожировать зайчишки, вот потому и решил охотник проверить любимое местечко.

Вот в алой сукровице неба выкатилась из-за леса раскалённая горбушка солнца, а затем показалось оно и всё целиком, большое, румяное, со щеками будто бы натёртыми сухим колючим снегом. Занимавшееся солнце поджигало верхушки обложенных снеговыми подушками елей, разбрасывая пучки золотого огня в гущу леса, где залегли густо-лиловые тени.

... Наконец, в просвете меж тёмных стволов заалело открытое пространство знакомой поляны. Только что же это там мельтешит за стволами, или просто приблизилось? Сергей Иванович пригляделся получше и обомлел, от неожиданности аж присел: два волка, как

ошалелые, взапуски носились по снежному раздолью. Э, да ты, брат, старый хрен, никак на волчью свадьбу непрошенным гостем явился, смекнул про себя Сергей Иванович и с предельной осторожностью, опасаясь задеть за куст или скрипнуть лыжей, стал продвигаться поближе, предварительно загнав в стволы два патрона с «серьёзной» дробью.

Волки явно были пришлые. В безумстве гона забежали, должно быть, с Ивановской стороны. И хоть давно уж, с самой послевоенной поры не доводилось встречать Сергею Ивановичу серых разбойников, но волчьи повадки были ему хорошо знакомы. Он знал, что у

волка весьма чуток нюх и слух, а глаз так остёр, что за версту отмечает самое малое постороннее движение, но сейчас волки были заняты, увлечены игрой, это-то и позволило приблизиться к ним на такое расстояние, что стало видно их, голубчиков, как на ладони.

Вот волчица, припав перед Серым на передние лапы, прижалась к снежному насту всей грудью, и шеей, и мордой, озорные бесенята так и прыгали в её глазах, хвост палкой стучал по снегу, вздымая вверх игристо посверкивающую пыль. Затем она, пружинисто изогнувшись, отскочила в сторону. Высунув на сторону алый, мокрый язык,

волчица принялась кругами носиться по голубым и синим теням, по золотистым и оранжевым пятнам, которыми выткан был снег, и вслед за нею, но соблюдая дистанцию, таким же дурашливым галопом, задрав кверху хвост-полено, дугой выгибая сильный хребёт, мчал ошалевший от нахлынувших чувств волк. Вдруг волчица сделала резкий разворот, и Серый, взметая брызги снега, с полного хода встал перед нею как вкопанный. Посмотрев друг на друга упоённым, блаженным взглядом, волки, в прыжке встав на задние лапы, обнялись и так, обнявшись, упали на сторону в снег. Поспешно вскочив, они вновь пускались бешеным аллюром по снежной целине.

Как радовались они простору и свету, как радовались они своей силе и молодости и этой возможности быть друг с другом и продолжить неистребимый род не знающих страха, умных и дерзких зверей!

Сергей Иванович сдерживал, но никак не мог сдержать взбудораженного охотничьим азартом сердца. Оно челноком старой, разбитой швейной машинки долготило в груди. Сквозь просвет в ветвях охотник любовался развернувшимся перед ним спектаклем, вольными и красивыми движеньями тел вольных, красивых зверей. И вспомнилось ему почему-то, каким озорным, каким бесшабашным и ловким был он в молодости сам. Эх, жизнь, жизнь, как же ты коротка...

Наконец, волки устали и легли друг возле друга, соприкасаясь запушёнными снегом мордами. Из жарких запыхавшихся глоток валил белый пар. Они смотрели перед собой на заворожённый, заснеженный лес, стеною обступавший их, на осиянные солнцем сосны и ели, и глаза их горели светлым янтарём. Глаза их горели так, что казалось, будто они вобрали в себя весь свет беспредельного неба, всю чистоту снега, всю золотую ярь солнца, которое посылало на божий мир пока только для них, для волков, уловимые и понятные признаки весны.

Сергей Иванович с крайней осторожностью поднимал ружьё наизготовку. Но почему-то жаль было губить волков именно вот сейчас, уж больно момент был

для этого неподходящ. И упустить случай взять такой трофеей тоже было жаль.

Волки так и лежали в снегу, отдыхая от игры. Впалые бока волчицы, исхудавшей от многодневного гона, всё ещё ходили ходуном. Но вот она заметила, как что-то шевельнулось в чащобе, там, вдали, на другом конце поляны. Белая подушка снега съехала с еловой лапы, и она, освобождённая от снега, вздёрнулась вверх. Дрогнула всё же рука старого охотника...

И тут же далеко в сторону метнулась волчица. Серый, вздыбив на загривке шерсть, кинулся вслед за нею. Два-три гигантских прыжка – и как не бывало волков на поляне.

Сергей Иванович мало кому рассказывал об этой встрече. Расскажешь – не поверят, а поверят – обзовут растяпой, а то и того хуже.

Человек с золотыми зубами

Май властвовал на земле. Солнце шпарило во всю мочь, радовалось тому, что так дружно и рьяно пошло в рост, взялось яркой зеленью, всё, что ни произрастало в полях, лугах и лесах. Под благодатным его теплом всё благоухало – каждая травинка-былинка, каждое деревце и кустик.

В это расчудесное утро я сидел на раскладном стульчике перед этюдником у самого берега реки и изо всех сил пытался уловить и передать красками на холсте хотя бы малую толику этой земной благодати. На другом берегу неширокой в этом месте речки зелёным огнём полыхали трогательно юные берёзки, гуртились шарообразные купы ольхи и вербы, а к самой-то самой воде будто бы специально, чтобы перед всеми похвалиться да заодно полюбоваться на себя, отражённую, как в зеркале, в тихой у берега водной глади, подошла к краю берега с ног до головы выряженная в белые кружева черёмуха.

Позади этого зелёного хора выстроились в ряд

одетые в тёмные сапоги тётеньки-ели. Они специально и встали вторым рядом – чего уж равняться с молодёжью.

Вот как сейчас я чересчур уж вроде бы увлёкся словесным описанием прибрежного пейзажа, так в тот

день я до самозабвения, до беспамятства с головою окунулся в его изображение с помощью красок и кистей. Так увлёкся, что аж вздрогнул от неожиданности, когда услышал позади себя возгласы: « Ой! Ах! Ох! Ай-ай-ай!» Обернулся – приличного вида мужчина, очень даже

прилично одетый, спешит, почти что бегом бежит от дорожного полотна по пологому склону к реке, да и не просто к реке, а прямо ко мне. Пиджак расстёгнут, руками размахивает широко. Что такое? Чем он так взволнован? Что-то, может быть, случилось на дороге? Кому-то плохо, или кто-то в аварию попал, и требуется помощь? Этого только не хватало.

Тем временем прилично одетый человек оказался совсем рядом. Запыхавшись от быстрой ходьбы вниз по склону, он продолжал исторгать из груди междометия: « Ой! Ах! Ох!», и наконец, раскинув в стороны руки и воздев глаза к небесам, выдохнул: « Ах, Господи! Какая же здесь красота!»

Я был несколько обескуражен таким оборотом дела. «Что ещё за придурок? Чего это ему вдруг вздумалось передо мной Ваньку валять? Артист, что ли? Да нет, скорей всего на грудь принял немножко лишку...»

Отложив кисточки, я бросил на « артиста» вроде бы поверхностный, мимолётный взгляд, однако же наподобие моментальной фотосъёмки быстренько запечатлел, схватил все его характеристичные черты. В

нежданном и незванном госте сразу и прежде всего бросались в глаза его зубы. Они сияли, как солнце, и ярче солнца. Они сияли, как сто сорок солнц. Потому что они были золотыми. Все – и верхний и нижний ряд. Волосы – ах, какие это были волосы! Они были просто великолепны! Чёрные с синеватым отливом, они кучерявились крупными кольцами и влажно блестели так, как будто их обладатель вот только что принял ванну и вымыл их с французским шампунем. Полуприкрытые чуть синеватыми веками глаза с томной поволокой, чёткий рисунок несколько полных и как будто бы несколько испачканных в чернилах губ – эти да и все другие черты внешности более чем красноречиво говорили за то, что передо мною типичнейший представитель вольного цыганского племени. Однако представитель очень даже цивилизный – он был одет в костюм самого отличного качества, на животе поверх рубашки замечательно красивый галстук, а внизу из под брюк глянцевито блестели наимоднейшие лакированные туфли.

— Послушайте, Вы художник?

— Да что-то вроде этого...

— Надо же! Первый раз в жизни вижу художника!

Я с досадой подумал – так и есть, выпил для настроеньица, теперь от него не отвяжешься... Однако человек с золотыми зубами выдвинул вперёд обе ладони:

— Нет – нет, и ещё три раза нет! Ведь я за рулём. Домой еду, в Иваново. Я в Иванове живу. А тут только пообедать притормозил...

Здесь необходимо сказать, что недалеко от этого места, где я писал пейзаж, на развилке двух дорог, красовался бревенчатый дорожный ресторан «Разгуляй», специально и поставленный в расчёте на шоферню – место-то бойкое! На площадке перед рестораном всегда

стояло десятка полтора машин разного калибра в ожидании своих хозяев. Но я не видел такого случая, чтобы кто-то из шоферов, пообедав в ресторане, перешёл шоссе и спустился к реке. Время – деньги, подзаправился да и снова в путь. А этого что же сподвигло, потянуло на прогулку?

И опять человек с золотыми зубами будто бы прочитал мой только что промелькнувший в голове вопрос.

— Сейчас расскажу, сейчас всё объясню... Вот покушал я, хорошо покушал. Да дай, думаю, разомну немного ноги. Захотелось поглядеть на знакомые места. Да, да, не удивляйся. С детства тут все места знакомы. Всё пешком исхожено.

Человек с золотыми зубами, конечно же, давно уж понял, что я давно догадался с кем имею дело и разговор повёл откровенный и о самом, видать, для него сокровенном. Может быть, поэтому незаметно для себя самого перешёл на «ты».

— Бывало, мать набьёт битком две, а то и три сумки пуховыми шаями, шали эти тогда были в ходу, хорошие деньги за них давали. Меня с собой в помощники возьмёт, братишку ещё и – айда-пошли. От деревни к деревне, от села к селу. Побавались, за такие дела и прищучить могли. Спекуляция, видишь ли...

Пуховые шали... Никому уж они теперь не нужны. И деревень половины нет, а если уцелели, так в них почти и не живёт никого... Сейчас уж в другие игрушки играем. И ставки большие.

В Иванове дом у меня – э!, поглядел бы ты, какой дом! Да ещё и дача у речки. Я ведь когда молодой был – как думал? – вот будет у меня богатый дом, дорогая машина, красивая жена, и стану я большим человеком, и

буду жить в довольстве. Вот теперь всё это у меня есть. И, думаешь, я доволен своей жизнью? Как бы не так!...

Вот когда тридцать лет назад полуголодный, в рваных башмаках бродил с матерью по этим местам, вот тогда – да, тогда было хорошо! Холод ли, жара ли, дождик или метель – а мы идём... Над головой

небо, под ногами дорога, а пальтишко худое, и душу насквозь продувает ветром. Куда идём – не знаем. Мать знает. От деревни к деревне, идём и всё...

И ты знаешь – вот это время, эти годы вспоминаются как самые лучшие во всей жизни... Так было хорошо!

Сейчас ездию на дорогой машине, хорошая машина. Да разве же можно это сравнить с тем, когда идёшь по дороге, над головой небо, а кругом благодать – деревья, травы, цветы...

Плохо сейчас люди живут – как сурки в норах. И всё тащат, тащат себе в норку. Жадные, ненасытные... А зачем? Благодати земной совсем не видят!

Ты знаешь – я завидую тебе! Очень даже завидую! Ты счастливый человек! Под ногами земля, над головой небо! Кругом Божья благодать!

Вот пройдёт это утро и такого уже больше никогда не будет. А у тебя на картинке оно останется навсегда. Жаль, что не кончена картина, я бы купил её у тебя. Хотя – что я говорю. Ведь тем, у кого есть деньги, кажется, что всё можно купить. Если бы было так. Здоровье не купишь, таланта не купишь, любовь – настоящую любовь – не купишь. Это всё Господь даёт. Или не даёт...

Не надо, не продавай эту картину никому. Поглядишь, может, и вспомнишь, как подходил к тебе один чудака, вспомнишь про мои слова...

Всё, всё. Ухожу, дорогой. Не буду больше мешать. Живи долго, счастливый ты человек.

СОДЕРЖАНИЕ:

Лес	2
Речка детства	14
Грибные места	29
<i>В Жуковском урочище</i>	39
<i>Мы такого не видали никогда</i>	44
<i>Чудо-юдо гриб строчок</i>	47
<i>Черноголовые красноголовики</i>	49
<i>В гиблых местах</i>	55
<i>Щетинино – Колобово</i>	66
<i>Федин лес</i>	74
<i>За Ильдовом</i>	81
Лосиный остров	90
Встреча	106
Человек с золотыми зубами	112